

Лучшие произведения участников VII городского конкурса литературного творчества «Гришинские проталины». 2019 год.

Номинация «Проза»

Кастерина Милена, 9 лет – 1 место

Рассказ «Слепая»

Девочка слепая. Она не всегда была слепой, стала только недавно. Гуляют по магазину с мамой. Девочка просит новую заколку, останавливаются у витрины. Мама подает дочке одну заколку за другой, девочка трогает их по очереди и определяет на ощупь, нравится ей или нет. Перебрав несколько заколок, выбирает одну.

Дочь: - Вот эту, мама.

Мама: - Хорошо. (Продавцу) – Мы берем вот эту, сколько она стоит?

Дочь: - Мам, подожди, а какого она цвета?

Мама: - Милая, она синяя.

Дочь: Жааль, а нет моей любимой, розовой?

Мама: - Нет, роднуля, я не вижу. (Продавцу) – У вас случайно розовых таких не осталось?

Продавец, видя, что девочка все равно слепая, протягивает маме девочки такую же заколку желтого цвета: «Вот, осталась одна розовая!» И заговорщически подмигивает маме девочки.

Мама: - Нет, спасибо, это не такой оттенок розового, который мы любим. Такого цвета нам не надо! (Дочери) – Пойдем, доча, здесь нам ничего не подходит.

Продавец посмотрела на маму девочки как на умалишенную: зачем усложнять себе жизнь?

Но у мамы с девочкой другие правила. Они не обманывают и не предают друг друга...

Скобелин Михаил, 11 лет – 2 место

Чумазик и Шарик

Жила в одной деревеньке на опушке дремучего леса большая семья: папа Свин, мама Свинка и тринадцать поросят. Все малыши были послушными и воспитанными. Все, кроме одного – самого младшего – Чумазика. Это имя он получил за то, что своим пяточком не пропускал ни одной грязной лужи. По вечерам у мамы Свинки была самая главная забота: отмыть Чумазика и уложить спать. А папа Свин перед сном рассказывал поросятам о пережитых им в детстве удивительных приключениях. Лёжа в кровати, Чумазик мечтал о своих...

Был у Чумазика лучший друг – щенок Шарик. Друзья целыми днями играли на улице, наслаждаясь тёплыми летними денёчками, а бывало, что и проказничали.

Пролетело лето, закончилась осень, зима же не торопилась вступать в свои права. Приуныли жители деревеньки: что делать – скоро Новый год, а зимы нет. Какой праздник без снега и мороза? Написали они письмо Деду Морозу, чтобы узнать, что случилось с зимой. А через несколько дней получили ответ: зиму захватил Бармалей, чтобы Новый год был только у него, и все подарки достались только его сыночку Бармалейчику.

Решили тогда Чумазик и Шарик сходить к Бармалею и освободить зиму. Собрались и двинулись в путь.

Тропинка пролегла по дремучему лесу. Под вечер они увидели впереди огонёк и обрадовались. Подойдя ближе, узнали избушку, в которой жила семья Лисов. Хозяйка гостей встретили, накормили, спать уложили. А утром Старый Лис дал им клубок ниток, который мог указать короткую дорогу в страну Бармалея. Поблагодарив, друзья двинулись дальше.

Солнце было уже высоко, когда они услышали странные звуки, доносившиеся из ствола крепкого дуба. Прислушались и разобрали крики о помощи. На дубе Шарик заметил дупло. Он залез на дерево, заглянул внутрь и увидел в глубине маленького мальчика, который плакал и звал на помощь. Чумазик и Шарик помогли ему вылезти и узнали, что во время игры в прятки он нечаянно провалился в дупло, а друзья решили, наверное, что он ушёл домой, и не стали его искать.

Простившись с мальчиком, Шарик и Чумазик пошли дальше за клубком. К вечеру вышли к замку на берегу реки. Клубок подкатился к воротам замка и исчез. Ребята поняли, что пришли к жилищу Бармалея.

Хозяин замка вышел к непрошеным гостям и спросил:

- Что привело вас в наши края?

- Мы пришли просить Вас отпустить зиму, без которой нет ни снега, ни Нового года, ни Деда Мороза с подарками, - ответил Чумазик.

Тут к ним подбежал мальчик, которого они спасли в лесу. Он оказался сыном Бармалея.

- Папа! Это они спасли меня! - Радостно сообщил Бармалейчик отцу.

- Хорошо, - сказал Бармалей, - я отпущу зиму. Но мы с сыном придём к вам на праздник.

- Конечно, - обрадовались друзья. – Мы всегда рады гостям!

Обратно они летели на ковре-самолёте, который одолжил им Бармалей. Подлетая к своей деревеньке, дети увидели большие снежные сугробы, а во дворе дома стояла, сверкая огнями, наряженная ёлка.

Жители деревеньки весело встретили Новый год, и каждый получил свой заветный подарок. В том числе и Бармалей со своим Бармалейчиком.

Сказка про Ежика

Ёжик жил с мамой в большом лесу. Их норка была спрятана в овраге между осинками. Летом Ёжик любил гулять по лесу и иногда заходил очень далеко. Он был любознательным малышом.

Однажды осенью, прогуливаясь по лесу, Ёжик встретил своего лучшего друга Зайчонка.

- Привет, Ёжик! – сказал Зайчонок. – А почему ты ещё не спишь? Ведь скоро Зима.

- А что такое Зима? – растерялся малыш.

- Зима – это время года, когда лес становится белым от снега. А ещё зимой наступает Новый Год! – сказал это Зайчонок и ускакал по своим заячьим делам. А Ёжик смотрел на лес и пытался представить его белым.

- Надо спросить у мамы, что такое Новый Год, – подумал он.

Мама Ежиха укладывая Ёжика спать, рассказала ему всё, что знала и что слышала от старой Сороки.

В лесу наступила зима. Ёжик крепко спал в своей уютной норке и ему снился лес, одетый в вату. Вдруг, среди зимы он проснулся и очень испугался. Снаружи доносился какой-то шум. Малыш решил посмотреть и вылез из норки. Ёжик застыл от изумления и восторга. Вокруг была невероятная красота. В сторонке стояла большая нарядная ель. Она сверкала и переливалась в свете луны. Вдруг ветром качнуло ветку ели, и на Ёжика упала мишура. Он попытался снять её, но не смог.

- Теперь я и сам похож на ёлку, - подумал он и улыбнулся своим мыслям.

Малыш очень замёрз и решил вернуться в норку. Засыпая, он подумал, что ему никто не поверит. Но вспомнив про мишуру на своих иголочках, пробормотал:

- Х-м-м. Или всё-таки поверят?
И уснул до весны.

Бондарев Арсений, 8 лет – 2 место

Почему крысы живут на суше (сказка)

Давным-давно крысы жили в море, и служили самому морскому царю. Приставил их морской царь охранять свою красавицу-дочь, да строго-настрого наказал не пускать царевну на берег: лишь только упадет на нее солнечный луч, превратится она в пену морскую.

Но однажды, когда морской царь был в отлучке, упростила царевна крыс пустить ее на берег, уж очень хотелось ей посмотреть на красоту земли. Согласились крысы, вышли с девушкой на берег. Девушка любовалась на блестящие звезды, удивлялась аромату ночных цветов, играла с камушками на берегу. И крысы удивлялись вместе с ней. И забыли, что скоро солнце встанет! Выглянуло оно, и исчезла морская царевна, лишь пена на волне мелькнула...

Испугались крысы – как перед морским царем ответ держать? Да и решили перебраться все на сушу. Иногда выходят крысы в море в трюмах кораблей, но, если разыграется буря и тонет корабль – тут же покидают трюм в надежде успеть добраться до берега, спрятаться от гнева царя морского. С тех пор есть у моряков примета – если крысы уходят с корабля, он скоро затонет.

Кармакова Евгения, 12 лет – 3 место

- Дедушка, мне приснился странный сон! – сказала маленькая Кира, выходя из своей комнаты. - Да? И про кого же он? – спросил заинтересованно дедушка. - А ... про что-то серое с черным носом! – сказала Кира, натягивая на себя плед. Она болела ангиной, и температура была высокой. - Может про волчонка? – спросил дедушка, подумав, что Кира хочет сказку про «Серое облако». - Может, я и сама не поняла. – улыбнулась Кира и тут же потребовала почитать ей сказку. Кира давно уже умела читать сама, но ей так сильно нравилось, когда это делал дедушка. Он откладывал все свои дела, садился рядом и разными голосами начинал озвучивать персонажей и Кира словно попадала в волшебный мир, где живут сказки... - Хорошо! Хорошо! – улыбаясь проговорил дедушка и пошел к шкафу. Он достал с верхней полки большую книгу с красным переплетом, открыл ее и начал читать...

Давным-давно жила была девушка. Звали ее Анастасия. Она была очень добра ко всем, ну а все любили ее. Жила она в большом красивом доме с высокими потолками и большими окнами. Возле дома была ровная лужайка, где девушка могла часами сидеть и любоваться природой. Судьба распорядилась так, что Настенька очень рано осталась без родителей, но она не осталась одна. Материнское тепло и заботу подарила ей няня, которая научила девочку всему, что сама умела. Однажды летним вечером, Настенька глядела в небо из окна своей комнаты и о чем-то мечтала. На улице только что закончился дождь, стало прохладно и ветрено. Вдруг, что-то в конце лужайки, в кустах, привлекло ее внимание. Сначала она всматривалась, пытаясь разобраться, что же там такое серое, но девичье любопытство не давало ей возможности дольше оставаться на месте, и, накинув плащ прямо на ночную сорочку, поспешила наружу.

Она бежала по широкой каменной лестнице вниз, когда на пути ей встретилась няня, которую очень удивило, куда же собралась Настя в ночной сорочке. Женщина что-то спрашивала, пыталась ее остановить, но Настя не объяснила ей ничего, она очень спешила узнать, что там в кустах. В кустах никого не было. - Ну не могло же мне и

вправду показаться... - растерянно сказала Настя. Она начала заглядывать в каждый кустик, осматривалась по сторонам, но никого не видела.

Услышав шорох, девушка прошла чуть дальше, где росли кусты сирени и стала присматриваться. Внезапно показался маленький черный нос и глаза «бусинки» - это был маленький волчонок! Он скулил и совсем не собирался оттуда вылезать. Настя начала звать его к себе, оглядываясь по сторонам и немного побаиваясь его, ведь не каждый день ей приходилось иметь дело с волком... пусть и таким маленьким... но это - ВОЛК! Волчонку понравилась Настя и он медленно, покачиваясь, начал выбираться из куста. У него болела лапка и ему было больно наступать на нее. - Бедненький... как же тебя угораздило... откуда же ты тут... один?? – она гладила его и жалела.

Волчонок вопросительно смотрел на нее, но ничего не мог ответить. Его шерстка была совсем мокрой, и он дрожал от холода. Настя завернула его в свой плащ и понесла в дом. Волчонок она посадила на красный ковер у камина. Он недоверчиво озирался по сторонам и поскуливал. Увидев няню, он спрятался за пуфик и с любопытством выглядывал оттуда. - Где ты его взяла? Это же волчонок?? – шепотом спросила няня. - Нашла его в кустах. Он видимо заблудился и повредил лапку. Он голоден. У нас есть молоко? – спросила девушка няню.

Налив в миску молока, женщина Налив в миску молока, женщина начала подзывать волчонок к себе, надеясь, что голод возьмет над ним верх, и он перестанет ее бояться. Результат не заставил себя долго ждать, и вот, маленький гость уже ковыляет к миске. Волчонок позволил погладить себя и приступил к трапезе. Он очень жадно лакал молоко, показывая тем самым, что давненько не ел. Он с благодарностью посмотрел на няню, а потом доверчиво потерся о ее ноги. Женщина, будто не ожидая такого «спасибо», прослезилась. - Ну что, довел ее до слез? - спросила его Настенька, которая только что вернулась в гостиную. Волчонок в ответ только заскулил, словно почувствовал, что его будут сейчас ругать и виновато опустил глазки. - Не волнуйся, ругать я тебя не буду! Няня часто плачет, когда о ее ноги трутся кошки. У нее аллергия, понимаешь? – и девушка погладила волчонок. Шерсть его высохла, и он стал пушистым, как облачко.

Как же тебя назвать? – задумчиво проговорила Настя. – Пушистый... серенький... Да! Конечно! Я назову тебя – Серое Облако! Волчонок радостно встряхнулся и всем своим видом дал ей понять, что имя ему очень понравилось! - Ну что, Серое Облако, пора спать? – спросила Настя волчонок. Девушка взяла его на руки. Она поднялась по большой красивой лестнице и зашла в комнату. Комната была очень уютная, здесь все было сделано со вкусом. Там стояла большая кровать, с покрывалом темно-розового цвета. На кровати было много красивых подушек. Покрывало было таким гладким, что, когда волчонок положил на него свою голову, она съехала. Увидев это, Настя не могла не рассмеяться, и когда она потушила свет, все еще продолжала хихикать. А волчонок тихонько ворчал, потому что ему мешали спать.

День за днем волчонок все крепче привязывался к своей хозяйке, а Анастасия уже любила его всей душой. Ей доставляло огромное удовольствие играть с ним на поляне возле дома, бережно расчесывать его пушистую шерстку и смотреть, как он сладко посапывает во сне, удобно устроившись на мягкой атласной подушке. Его лапка уже совсем зажила, и он резвился на свежем воздухе целыми днями, пока Настя читала книжку в тени, под деревом, или рисовала. Он любил находиться с ней рядом, любил смотреть ей прямо в глаза, положив свою мордочку к ней на колени. Волчонок вел себя в точности, как верный пес. Он не оставлял Настю ни на минутку и всегда был рядом.

Они замечательно проводили время вдвоем, но волчонок что-то начало беспокоить. Он взволнованно оглядывался в сторону леса, добежал до опушки, смотрел вглубь, будто стараясь увидеть кого-то, но всегда возвращался назад. Девушка подозревала, что он тоскует по родителям, ведь у такого малыша должны они быть. Она часто думала о том, что его мама-волчица и папа-волк, наверное, места себе не находят, бродят по лесу, ищут своего волчонок. Однажды ночью Настя проснулась от воя. Вой был протяжный и печальный. Сомнений не было - это был волк. Она осторожно подошла к окошку, открыла окно и выглянула во двор... ..она увидела белое большое пятно, на

том самом месте, где совсем недавно нашла своего волчонка, промокшего, замерзшего и с подбитой лапкой. Она изо всех сил старалась определить, что там такое, но было слишком темно. Вой повторился, и от неожиданности, пара птиц, резко взлетели вверх из куста, и белое пятно резко исчезло. Утром, как обычно, Настя с волчонком, после вкусного и плотного завтрака, вышли погулять. День обещал быть теплым, всюду пели птицы, дул легкий и теплый ветерок. Они вместе поудобнее устроились под деревом и сидели, наслаждаясь утренней свежестью. Настя открыла книгу и начала читать вслух, а волчонок лежал рядом на пушистой травке, слегка прищурив глазки от солнечного света, и внимательно слушал. Девушка читала о дальних странах, чудесных краях, о путешествиях и мореплавателях. Её с рождения привлекало все, что связано с природой, растениями, животными. Она любила каждый кустик, каждое деревце в своем саду, она пыталась подружиться с каждой букашкой, кормила птиц и маленьких зверьков. Героями ее картин, написанных акварелью, были сказочные животные и эльфы, живущие в прекрасных мирах. Настя, в своих мечтах, часто представляла, что, когда станет совсем взрослой, обязательно отправится в далекое и долгое путешествие на неизведанные земли, она будет изучать новые виды растений, заботиться о животных, напишет интересную книгу и нарисует много картин. Ей было грустно лишь оттого, что придется надолго оставить няню, ведь они никогда не разлучались, даже на сутки. Но жажда приключений была сильнее, поэтому, она твердо решила, что именно этим она должна заниматься в своей жизни. В кустах, рядом с опушкой леса, послышались шорохи и хруст веток. Волчонок наострил ушки и попытался гавкнуть совсем по-собачьи. Он, таким образом, всегда высказывал свое недовольство. Они вдвоем пристально смотрели на кусты, но ничего не происходило. Вдруг волчонок резко сорвался с места и нырнул в кусты. Настя побежала за ним, но волчонка уже не увидела, он скрылся в тени леса. Идти в лес она побаивалась, но ей было любопытно, а больше всего хотелось вернуть волчонка. Няня не раз предупреждала об опасности, которую таит в себе этот лес. Оглянувшись и убедившись, что никто не видит, она нырнула между кустов и торопливо пошла вперед. В лесу было очень красиво и совсем не страшно!

Настя шла по лесной тропинке и не переставала звать волчонка. Она всегда понимала, что не сможет долго жить под одной крышей с волком, что ему нужно на волю, и им, в будущем, все равно придется расстаться, но ей очень не хотелось, чтобы это случилось сейчас, и чтобы он ушел вот так... Девушка шла вперед, и только оказавшись в самой чаще леса, опомнилась, что зашла слишком далеко, и что теперь не найдет дорогу назад. Ей стало очень страшно, ведь она никогда не бывала в лесу одна и никогда не заходила так далеко. В лесу полно диких зверей и ей не откуда ждать помощи - никто ее не услышит! Огромные сосны склонялись над ней и их пушистые ветки казались темной непроглядной тучей на небе. Уже приближался вечер и от этого на душе было тревожно.

Вдруг, впереди, забрезжил свет. Казалось, она нашла выход из леса. Настя прибавила шаг. К своему удивлению она вышла на небольшую светлую поляну, в середине которой возвышался холм. Только она начала приближаться к холму, со всех сторон, как из-под земли, вышли волки. Они обступили ее со всех сторон и были крайне недоброжелательны. Волки приближались к ней, показывая свой оскал. Один из них посмотрел на Настю прямо в глаза и побежал прямо на нее. Девушку охватил ужас, она закрыла глаза и вскрикнула. Ничего не произошло, никто ее не тронул.

Открыв глаза, она увидела на вершине холма огромного волка. Он был намного крупнее всех и у него была невероятно красивая пушистая шерсть пепельного оттенка. Никогда раньше она не видела ничего подобного! Он был так красив! Девушка не сразу заметила, что остальные волки отступили и, как верные псы, смотрели виновато на своего сородича. Они словно извинялись за свое поведение, за то, что оказали такой нелюбезный прием гостье. Этот волк, определенно, был главным в стае. Вдруг на холм поднялась грациозная волчица, она была намного меньше и шерсть ее была совсем белая. Сзади нее плелся ... волчонок! Настя не поверила своим глазам. - «Серое облако!» - радостно закричала Настя. Волчонок, увидев ее, радостно взвизгнул и подбежал к ней. Он ласково облизывал ее руки и очень хотел, чтобы его погладили так,

как это делала только она. - «Это твоя семья?» - спрашивала его девушка, продолжая нежно трепать его за ушком. Волчонок не мог ничего ответить, он лишь преданно смотрел ей в глаза и вилял хвостиком. Она видела, что он полностью счастлив и что он очень рад оказаться снова дома, там, где живет его семья. Теперь ей стало понятно, чей вой она слышала ночью. Большой волк грациозно спустился с холма и разрешил себя потрогать. Он опустил голову, низко, к самой земле, и Настенька подумала, что он, таким образом, благодарит ее за заботу о маленьком волчонке, который потерялся в большом лесу и случайно оказался возле ее дома. Девушка не могла поверить, что она, в самом деле, прямо сейчас стоит среди стаи волков, совсем одна и что ей совершенно не угрожает опасность. Остальные волки уже выглядели совершенно дружелюбно, и никто не собирался больше на нее нападать. Любимый волчонок уютно устроился у нее на руках. Белая волчица вела себя более осторожно. Она не стала спускаться вниз и продолжала наблюдать за гостьей с холма. Настя подумала, что мама-волчица, наверное, немного переживает о том, что ее волчонок смог кого-то полюбить так же сильно, как ее. Наступил вечер. Начало темнеть. Нужно было возвращаться домой, да и няня, наверное, потеряла ее и места себе не находит. Становилось прохладно, и, к тому же, очень хотелось есть. Девушка оглянулась по сторонам, пытаясь вспомнить, с какой стороны она сюда пришла. Волк, будто понял, что тревожит девушку, опустил перед ней на землю, словно приглашая ее, сесть ему на спину.

Настя обрадовалась, что хозяин леса поможет ей вернуться домой и с радостью приняла приглашение.

Девушка обняла волчонка на прощанье и пообещала навещать его часто, села на спину большому волку, и он помчал ее по лесным тропинкам прямо к дому. Так Анастасия познакомилась с обитателями леса, рядом с которым жила с рождения. Эти волки очень быстро стали ей друзьями. А волчонок совсем скоро вырос и превратился в такого же невероятно красивого и крупного волка, как его отец.

Карпова Екатерина, 13 лет – 1 место

Вечное сердце

Когда-то, лет 30 назад, посреди Гилёвской рощи росла маленькая, никому не заметная берёзка. Она росла и росла, а через годик два оделась в пышный светло-зелёный наряд. И вот тогда-то люди и обратили на неё внимание.

Берёза стала настоящей красавицей всего парка. Деревце не знало ни скуки, ни зла, потому как постоянно её окружали толпы людей. Весной она встречала только что прилетевших с юга птиц, которые на её ветвях вили свои гнёзда. Летним днем под её кровом отдыхали горожане, а берёзка закрывала их своими ветвями от солнечных лучей. Осенью она с радостью смотрела на резвящихся детей, которые лежали на цветных, опавших листьях, и разговаривали. Но приходила зима, и деревце впадало в свою долгую зимнюю спячку.

Береза думала, что все деревья живут также хорошо, как и она сама. Но она далеко заблуждалась... Остальные деревья были не такими зелёными и счастливыми, а скорее всего унылыми и недовольными. И может быть, со временем она стала бы похожей на них, но судьба распорядилась по-другому...

Наверно неспроста, она очень любила людей, ведь только они заботились о ней, когда она была маленьким росточком, сами не подозревая того, что делали её мир красочней. Особенно березе нравились дети. Слов не найти, как она их ждала! Среди друзей березки был 13-летний мальчик Шурик. Она слушала его истории (пусть и не все были правдивыми) и даже помнила, как он немного хвастался перед своими друзьями. Саня много времени проводил под берёзой и даже дал ей имя: Диша.

Диша уже знала, что осенью Сашка уезжает в город, а ранней весной возвращается. И именно весну береза ждала с неутолимým желанием, ведь весна для

Диши была лучшим лекарством от скуки, как для людей - долгожданная премьера нового фильма или чашка горячего чая в холодный зимний вечер... И березка была готова сколько угодно ждать и ждать приезда своего друга. Она всегда его дожидалась. Снова, березка, будто отогретая первыми лучиками солнца, становилась собой.

Незаметно прошло лето и наступила осень, Саша всё реже и реже появлялся в роще, а потом и вовсе пропал.

- Значит, уехал, - догадалась Диша.

Эта осень показалась ей более долгой и безрадостной, чем прежде. Лили дожди, навевая холод, приближалась зима. И она не заметила, как уснула.

- - -

Наступил апрель, а снег еще не спешил таять. Морозная погода не пускала запоздавшую весну. Даже главные гости – грачи вынужденно присели на Дишину ветку, отогреться. А одна из птиц, опустившись на нос березке, защекотала ее. «Чих» – послышалось откуда-то. Напуганные грачи зашумели, встрепенулись и в страхе полетели от странного дерева. Дишка засмеялась и, потянувшись от долгого сна, сладко зевнула.

Последние пернатые жители веток улетели. Уже май, а Сашки всё нет и нет. Ветер качал её ветки, сдувая еще неокрепшие листки. Быстро промчалось время, изменилась природа, а вместе с ней и берёзка. Одинокое дерево стояло в цветущей роще, печально поглядывая на дорожку, откуда должен выйти её друг. Потихоньку становясь такой же вялой и печальной, как и остальные её соседи.

Бывало, она перебирала те самые счастливые моменты, которые бережно хранила в своей памяти. Она помнила, как очутилась здесь, как увидела первый весенний цветок и, конечно же, как познакомилась с Шуриком.

Тогда был тёплый летний день. Берёзка стояла посреди небольшого леса и слушала пение птиц. Вот тогда-то и появился Саша. Он со своими друзьями запускал воздушного змея, которого папа привёз из Германии. Брат Саши - Миша бежал по траве самым первым и, в руках у него был подарок отца. Вдруг поднялся ветер, Миша не смог удержать воздушного змея, и ветерок выхватил его из маленьких рук и понёс. Но недолго было ветру играть с унесённым подарком, он быстро утих, и змей опускался всё ниже и ниже, пока не зацепился за ветви берёзки.

Сашка, прибежав к брату, сначала ничего не понял. Он прибежал весёлый и радостный, а Мишка ревет, всё что-то мямлит и руками машет. Тут Сашка не выдержал:

- Миха, ты чего хнычешь, как девчонка? Где твой змей?

А Мишка всё плачет и плачет, аж покраснел весь.

- Не реви, кому говорю! – отрезал Саша, - а то сейчас уйду, и хнычь тут один, сколько хочешь!

- Да не реву я, не реву, - промямлил брат, протирая глаза кулачками, - я... змея...упустил...

- Сейчас найдём, - перебил Шура, - да, вот он, на дереве, - закричал он, показывая на Дишу, - И не реви!

Он поднял брата на спину, и они пошли. Дойдя, Саша аккуратно залез на березку и достал потерянное.

- Вот и всё! – добавил он, сидя на дереве, - а ты ревьешь.

Тут прибежали товарищи:

- Кто кричал?! – спросил подбежавший мальчик Коля.

- Да, Мишка слёзы льёт! Вот, змей улетел, я нашел его, и вы тут как тут.

- Не кисни! – добавил второй паренек и потрепал Мишку по голове.

- А мне можно! Я – маленький! – упрямо ответил Миша.

- Ты!? маленький! – усмехнулся Колька.

- Да, я – маленький, мне так мама говорила. Мне 5 лет! Ты бы лучше Саше помог! - со слезами промямлил Мишутка.

- Чего!? С каких пор яйца курицей командуют!

- Да ты петух, Колька! – с ухмылкой бросил Мишка.
  - Ну я сейчас тебе задам! – подумал сорванец и уже приготовился побежать, как с дерева прыгнул Саша.
  - Хватит! Успокойтесь оба! – четко сказал он мальчикам и повернулся к хулигану, - я же тебе говорил, что хватит слабых обежать! Не так ли?
- С этими словами Николай кинул взгляд на Мишутку и поспешил уйти.

Как я уже говорил, в тот день было очень жарко. Саша, его брат и еще два друга быстро устали и сели в тени берёзки.

- Знаете, - начал Сашка, - когда я вырасту, я стану предпринимателем или даже президентом. И построю в этом лесу парк со спортивными комплексами, катком и батутами. Ведь тут так хорошо, и не жарко! И озеро есть неподалёку. И от дома недалеко... а чего тут тянуть, давайте, прям здесь и сейчас штаб построим!?

Все, конечно, согласились, закричали «Да!». И с этого момента всё началось...

Уже прошло двадцать лет, а березка помнила тот день, как будто это произошло вчера. Она могла думать об этом много лет, не обращая внимания ни на что и ни на кого. За часами проходили дни, за днями недели, за неделями месяцы и годы. Пусть берёзка была деревом, а дерево – это и в Африке дерево, но она понимала и различала, где хорошо, а где плохо. К примеру, она помнила, как Сашка недалеко от берёзки драчунов разнимал, как октябрятам с уроками помогал, как деревья в парке с братом сажал...

Вот-вот наступит лето. Берёза отметит свой юбилей, а гостя, которого она ждала 20 лет, всё нет и нет... Наступили теплые деньки, а Дише предстоит заново учиться радоваться и быть счастливой. Но вдруг она почувствовала, что что-то должно произойти, что-то важное и всё меняющее. Со стороны она услышала чьи-то голоса, знакомые и чужие, но сердце чувало: «Он здесь!» Нет, не садовник, который окучивал её землю, не та милая старушка, приходившая время от времени покормить голубей. А он, он – тот самый Сашка!

- Сашка! – вырвалось из сердца березки.

И она была права. Это был он. Но что-то в нем изменилось: черты лица, голос, рост... Он вырос, (возмужал?!), и был не один. С ним были еще пара мужчин. Они о чем-то разговаривали, спорили и были явно в чем-то не согласны.

- Вы же сами сказали «если не сейчас, то когда, чего тут тянуть?!» - сказал мужчина в черном костюме. Вы ведь этого хотели.... Ну, что решили?

Потом Диша ничего не услышала, и вдруг резко дернулась. Саша показал на неё, а собеседники лишь покивали головой и ушли.

Берёза мало, что поняла, да и не могла понять. А на следующий день пришли люди с краской и пометили Дишу и еще несколько деревьев большими красными крестами. Деревце надеялось, что это такой подарок от её друга. Но её охватил страх неизвестности и ужаса: что произошло? И где Саша? Её сердце замирало при виде любого проходившего человека, будь то ребёнок или старушка.

Ночью Диша не могла уснуть и задремала только под утро. Она проснулась от ужасных скрежещущих звуков и грубых мужских голосов. Перед ней стояла огромная тарахтящая машина и несколько человек с лопатами. Они выкапывали пни и бросали в печь огромной машины, сжигающей их.

Но даже не это испугало Дишу! В стороне, в группе людей, стоял Саша. Да, он! Спокойно смотря на это и продолжая разговаривать и улыбаться. Вот рабочие подошли к березке. Ей было не так больно, гораздо больней было ощущать его холодный взгляд, и обидно так, что её деревянное сердце разрывалось при виде своего лучшего друга. Ведь он так много лет скрывался от неё, а появившись, стер все то, что было так важно и нужно для березки с невинными глазами, смотря, как прошлое превратилось в черный пепел, разносимый ветром далеко-далеко.

Так закончилась история об одной берёзке, делившейся своей добротой с людьми, которые взамен погубили её прочный ствол и вечное сердце, имеющееся внутри не каждого человека...

Булкина Анна, 15 лет – 3 место

Мечта берёзы

Рядом со школой росла одинокая берёза, и она подобно детям любила мечтать. Она мечтала дни напролёт, иногда слушала сказки и рассказы, которые доносились из открытого окна кабинета литературы. Берёзке они очень нравились, и она представляла, что они читают именно для неё. И даже зимой деревце не замерзало, ведь её грели добрые истории про любовь, животных и приключения. Ох, как она хотела путешествовать. Но её корни крепко держали её в земле. Те дети выросли, приходили новые, росла и сама белая красавица. Но мысли о путешествиях её не покидали.

Одним жарким утром, когда уже начались долгожданные летние каникулы, дул приятный ветерок, и мечтательница сочиняла свои истории, и представляла, как она наслаждается пением птиц в лесу. Рабочие, которые как раз обустроивали новую спортплощадку, решили её продлить, но главный сказал, что нужно рубить дерево, потому что оно было старое ...

А чтобы она не была зря срублена из неё сделали красивые деревянные игрушки, которые отправили в разные города. Одна из них попала к мальчику по имени Василий. Он был темноволос, кучеряв, весел, и очень любил читать. Эта берёзовая игрушка очень ему понравилась, он брал её везде, даже на море, куда ездил с родителями каждый год. Берёзка обрела дом и часто путешествовала с Васей. Они и в лес ходили, и в Египет ездили, а самое главное он ежедневно читал с ней сказки.

Необыкновенное путешествие

Джунгли, из которых может выбраться лишь самый смелый и умный. Одним из таких был Джеймс Корэли. Это был «очень странный» по мнению таких же 17-летних мальчишек. Ведь он жаждал приключений и только этим и грезил.

В один поистине дождливый день, он махнул рукой на свою скучную жизнь и ушёл искать приключения. Он долго думал куда ему отправиться, и решил, что он очень хочет на какой-нибудь остров, он пробрался на корабль, забравшись в ящик с провизией. Дождавшись ночи, Джеймс вышел на палубу и увидел остров, который окружал густой туман. Он, недолго думая, сел в лодку того корабля, стоявшую там для «экстренных случаев». Поплыл к тому острову. К счастью, мальчишку не заметили, а про «загадочно» исчезнувшую лодку, стоявшую в самом конце корабля, узнали только в следующем месяце, когда к ним пришёл проверяющий.

Когда юный путешественник доплыл уже поднималось яркое солнце. Ждал жаркий день. Казалось, что на этом острове никогда не было людей, но по лежащим на песке консервным банкам и вещам мальчик понял, что он не первый. Консервы! Еда! Как же я мог забыть! – выкрикнул парень. К счастью, в непроходимых на вид джунглях росли разные фрукты и ягоды. Он шёл два дня, но ничего нового для себя не увидел: змеи, трава, деревья, камни. Обычные камни! Юноша уже думал, как вернуться назад, но сначала надо было хотя бы выбраться из джунглей. И мальчик решил забраться на самое высокое дерево, чтобы найти дорожку. Но в самых кронах дерева его ждал большой сюрприз. Листья дуба (так думал Джеймс) стали розовыми или нежно-лиловыми. Там стоял огромный круглый стол, за которым сидела милая девушка с пшеничными волосами, заострёнными ушками, бледно-голубыми как бескрайняя вода океана глазами в богатом убранстве. Она гостеприимно пригласила незнакомца за стол.

- Меня зовут Кинерия – нежно сказала незнакомка.

- Аааа... яяяя Джееймссс – неуверенно сказал молодой искатель приключений.

- Привет, Джееймссс, хихихи –захотела эльфийка.

Джеймсу она очень понравилась. Всю беседу с ней он краснел. Он тоже был ей симпатичен. Кинерия расспросила его о том, как он сюда попал и зачем. Она угостила его черничным печеньем, которое казалось намного вкуснее при виде такой красавицы.

Они долго разговаривали при тусклом свете, который делал личико девушки нежно белым. Откуда-то, Джеймс так и не понял откуда, взялись маленькие феи, и что-то говорили на своём языке. Они увидели, как их подруга смотрела на незнакомого им парня, да и он сам казался им чудным. А эти феи очень полюбили Кинерию и сами по себе были хитрые и ревнивые. Когда путешественник с эльфийкой выпивали непонятно какую чашку чая, феи незаметно добавили в кружку мальчика сонную пыльцу. Через пару минут он почувствовал, что его веки медленно закрываются.

- Что вы наделали, маленькие проказники!?!- отругала феечек Кинерия. Но они в ответ только непонимающе покачали головами и что-то пропищали. Девушка вспомнила, что у неё осталось немного волшебного напитка против чар фей и налила немножко в приоткрытый рот Джеймса. Он ничего не понял, но осознал, что крылатые существа, названия которых он не знал ему не рады. Он ушёл, Кинерия проводила его до лодки, и он уплыл. 17-летнему парню ещё долго снилась эльфийка, но он так и не понял, это происшествие с Кинерией и крылатыми человечками сон или его воображение, а может это было на самом деле.

Дружинина Надежда, 17 лет – 1 место

До зимы

Мирон за последнюю неделю наконец-то нашёл время просто лечь на диван и погрузиться в мир социальных сетей. Город в конце августа душила аномальная жара. Петербуржцы пили много воды, почти не выходили из квартир и ненавидели погоду за то, что жара пришла так поздно — в самом конце лета не все могут позволить себе сбежать из города куда-нибудь к морю. Барский тоже ненавидел такую погоду, ведь именно сейчас ему нужно было много работать, а из-за такого пекла мозг буквально плавился. Мысли всё чаще металась в сторону того факта, что Мирон без особых усилий мог сию же секунду уехать туда, где есть море, или туда, где было хоть чуток прохладней. Но рэпер и так был в сладостном небытие большую часть лета. Петербуржец до того наотдыхался, что по возвращению в родной город, которое состоялось не так давно, ему пришлось моментально начинать подготовку к концерту в местном клубе «Аврора». Как сказала его менеджер Женя: «Народ должен знать, что ты жив. Иди и тявкни чего-нибудь существенного на сцене, чтобы они успокоились, а мы начали работать!»

Мирон Барский был довольно известным рэп-исполнителем родом из Санкт-Петербурга. Звездой мирового масштаба он являлся лишь в своих мечтах, но здесь, в России, он мог почти в каждом провинциальном городе собрать тысячный зал, а в столице количество фанатов на каждом концерте доходило и до пяти тысяч. Пускай Мирон и не отличался особо выразительной внешностью (острые черты лица, излишне большой нос и стрижка почти под ноль его особо не красили), но мужчина был довольно начитан, умён и харизматичен. Барский цеплял слушателей не «красивой картинкой», а содержанием своих текстов. Это работало. Мужская половина аудитории его глубоко уважала, а женская половина безумно любила. Успех Мирону был обеспечен. За десять лет, что «империя» Мирона росла, он успел собрать себе неплохую команду. Пожалуй, главным для Мирона членом его «империи» была Евгения Жемчужникова, его менеджер. Миниатюрная девушка с короткими каштановыми волосами, она была удивительно отважна для своего уязвимого внешнего вида. Женя любила сладкий чай с лимоном, свой толстый ежедневник и варежки на резинках, «как мама в детстве учила». Для Барского Женька была одной единственной, потому что понимала его ни то что с полу слова - с полувзгляда, потому что боролась с ним плечом к плечу до конца, потому что терпела все его дурацкие выходки. Лучшим другом Мирона был Ваня Евстигнеев - известный питерский фотограф, по вечерам, на концертах Мирона, он надевал светодиодную маску с изображением пугающей улыбки чеширского кота и становился загадочным персонажем по имени Янки, бэк-вокалистом Мирона. Евстигнеев всегда был душой компании - он знал все в мире шуток, умел найти общий язык даже с самым хмурым человеком, а в жизни

больше всего ценил дружбу. С Барским Ваня познакомился очень давно, больше пяти лет назад, после чего они работали вместе, ни разу не оставив друг друга на музыкальном поле боя. Остальную часть команды Мирона составляли многочисленные звуковики, операторы и технические работники, которые мастерски создавали зрелищные шоу на концертах Мирона.

Сегодня (как, впрочем, и предыдущие три дня) Мирон не собирался покидать стены своей любимой квартиры на станции Площадь Восстания. Здесь у него всегда хорошо писалось: Барский мог подолгу смотреть на людей, суетившихся под окнами его дома. Жители Вечного Города ежедневно спешили зайти в небольшую каменную конструкцию, или же покинуть станцию метро. Петербуржцы являлись для рэпера отдельным источником вдохновения. Сегодня Мирон в гости звать никого не собирался, ведь дела навалились слишком неожиданно, а друзья, пускай даже те, которые делали с ним одно дело, зачастую очень сильно отвлекали. Но Женю и Ваню никто не предупредил, что они тоже могут отвлекать Мирона от суетных дел, поэтому эта парочка с раннего утра предупредила рэпера, что они соберутся, и подъедут ближе к обеду, чтобы покормить музыканта и разрядить обстановку в его квартире.

Мирон лежал на диване, еле сдерживал стоны от почти непереносимой жары, и залипал в телефон, постоянно улыбаясь. Женя бурным потоком отправляла своему работодателю смешные фотографии Евстигнеева. Жемчужниковой, в общем-то, было все равно, ее редко узнавали на улице, а вот Ванька впервые за два года спустился в метро и был очень удручен тем, что его редко узнавали. Под землёй связь была плохая, поэтому сообщения шли с большой задержкой, но, когда приходили, Мирон не мог сдержать улыбки. Мимика Янки заслуживала места в истории.

«Ваня негодует, потому что девушки вокруг не обращают на него внимания» и фото Евстигнеева, который обхватил обеими руками поручень и надул губы.

«Шла десятая минута пути, а ничего не менялось. Его всё ещё никто не узнаёт» и фото Вани, который изображает плач. Мужчина явно переигрывал.

«Он сейчас разревётся. Больше не поеду с ним в метро» и фото Янки, который сидит углу, поджав ноги к груди, обхватив колени руками, изображает уверенную мужскую истерику.

Мирон всё больше и больше понимал, что обожает своих друзей. Мужчина отложил телефон, понимая, что задержка сообщений из-за плохой сети растянулась на множество минут. Рэпер взял с подоконника некогда прохладную бутылку «Bon Aqua», открыл её и начал жадно глотать воду, глядя в окно, щурясь от яркого солнца и пытаясь уловить плавающие силуэты людей.

Барский отвернулся лишь на какую-то жалкую секунду, и городскую рутину в ключья разорвал громкий взрыв. Жуткая вибрация прошла по стенам вечных домов вечного города. Музыкант выпустил бутылку из рук, упал на колени и схватился за батарею, пребывая в шоке от произошедшего. Дыхание сбилось. Мужчина минуту сидел с закрытыми глазами, а затем быстро замотал головой, пытаясь что-то разглядеть в своей всё ещё безлюдной комнатке. С комода упала коробка с проводами, теперь все зарядки, аккумуляторы и наушники были разбросаны по паркету. В шкафу воцарил хаос: рамки с фотографиями плашмя лежали на полках. Казалось, весь Санкт-Петербург содрогнулся в этот момент.

«Что за чёрт? Землетрясение?»

Да, самая разумная мысль за день. Просто самое худшее в такие моменты не всегда приходит в голову.

Мирон перевёл дыхание и поднялся на ноги. На улице он уловил визг сирен: под окнами его дома уже скопилась целая армия машин скорой помощи, пожарных и полиции. В ушах у рэпера звенело, но спустя секунд звон начал затихать. Вместе с его пропажей пришло осознание произошедшего.

В этот день городское метро поперхнулось дымом и гарью.

Из дверей станции «Площадь Восстания» повалил народ. Напуганные, потрёпанные петербуржцы спешили спасти свои жалкие шкуры, выбираясь из-под земли по головам друг друга.

«Там мои друзья!»

Главная мысль пришла с большим опозданием. Барский готов был сейчас бежать туда, не через парадную, а прямо через окно, с пятого этажа. Потому что там они. Они всё ещё там.

А вдруг это не тот поезд? Вдруг они вышли не здесь? Вдруг они ещё на «Площади Ленина»?

Барский, забыв про ключи, про телефон, про дверь, побежал на улицу. Там его могли заметить, узнать, но ему было плевать. Там были его друзья, сейчас больше ничего не имело значения. Мирон бежал, спотыкаясь, казалось, перепрыгивая целые лестничные пролёты. А на улице было жарко и душно. Самая настоящая топка. Безветренно. Рэпер учуял запах гари, длинные татуированные пальцы затряслись. Мирон покинул двор и выбежал на улицу. Солнце слепило, заставляя щуриться, почти закрывая глаза, асфальт плавился под ярким светилом. От такой жары хотелось умереть на месте. Рэпер, оказавшись на тротуаре, стал мотать головой и смотреть по сторонам, его дыхание сбилось, а тело изрядно бросало в дрожь. Вокруг бегали люди, ревели сирены, кто-то рыдал, кто-то звал на помощь. Творился полный хаос.

Барский нырнул в толпу беснующихся петербуржцев, тоже начиная кричать. Он звал своих друзей по именам, и ему было плевать, что в Питере проживали тысячи Вань и Жень. Мирон шёл против течения, расталкивая напуганных людей, прорываясь ближе и ближе к зданию станции. Пахло человеческой кровью и гарью даже тут, на поверхности. Волна сходящих с ума от страха людей старалась задавить мужчину, сбить с ног, но он шёл дальше, питая надежды, что его друзей здесь не будет.

И вот Мирон увидел Её. Женя не бежала, как другие, не кричала. Толпа давила её, пыталась затоптать, а девушка медленно шла по течению, неуверенно смотря в пустоту. Её коротко стриженные волосы были взлохмачены, лицо усыпано пятнами грязи, крови и ссадинами. Рукав когда-то белоснежной, а теперь серой и грязной футболки разорван. Жемчужникова вся была в грязи и, что наводило ужас, чьей-то крови. Она была одна.

— Женя! — Барский нашёл в себе силы приподняться над толпой и закричать ласкающее слух имя, что есть мочи.

Полные страха женские глаза забегали из стороны в сторону, пока не остановились на знакомом силуэте. Рэпер начал яростнее и сильнее прорываться сквозь неконтролируемую напуганную толпу, протягивая руки в сторону своего менеджера. Она подалась вперёд и вцепилась мёртвой хваткой сначала в запястья Мирона, а затем в его предплечья, вкладывая в этот жест как можно больше эмоций.

«Живая...»

— Мир... — Жемчужникова не была уверена, что человека напротив неё зовут именно так. Она уже ни в чём не была уверена. — Мирон... Он. Он там. Мёртвый.

Барский распахнул глаза, смотря на своего менеджера. Женщина напротив была до смерти напугана, почти убита. Мирон не желал верить её словам. Впервые в жизни. Мужчина прижал Женю к себе, позволяя измазанному в пыли носику уткнуться в его широкое плечо, позволяя маленьким ноготкам до крови впиться в бледную кожу, украшенную татуировками. Она не плакала, не могла, Жемчужникова дрожала. А толпа вокруг стала обходить их по кругу, словно эти двое были накрыты невидимым куполом. Рэпер судорожно водил ладонью по взъерошенным волосам, от которых пахло гарью и машинным маслом. Мирон на время потерялся в своей голове, прижимая к себе своего менеджера.

Женя, не закрывая глаз, как можно сильнее вжалась в грудь музыканта. Лишь она здесь знала, что Евстигнеев больше не выйдет на сцену под маской Янки, что он больше не возьмёт свой «Сапон» в руки, и что ни одна татуировка больше не украсит его тело. Он

остался где-то там, в искореженном взрывом вагоне, откуда целую и невредимую, но очень напуганную Женю вытаскивали крепкие парни-пожарные. У Жемчужниковой парализовало всё тело, и звенело в ушах, когда пожарные скинули с неё окровавленное, бездыханное тело Вани и повели её на поверхность.

«Ваня! Ваня! Я тебя не оставлю! Дыши! Пожалуйста, дыши!»

Менеджер, не обращая внимания на хаос вокруг, всё сильнее и сильнее прижималась к Барскому, а тот в ответ крепче обнимал её. Женя от страха до кровавых отметин впилась в мужские предплечья. Постоянная дрожь в её теле волнами проходила сквозь Мирона, приводя мужчину в чувства. Полиция пыталась успокоить толпу, в то время как санитары уже выносили раненных и погибших на поверхность. Мирон сам потерял сознание происходящего, видя, как на носилках, накрытый уже пропитавшимся свежей сочащейся кровью полотном, выносят труп. С обгоревшего запястья, на котором ещё видны знакомые рэперу татуировки, свисающего с носилок из-под покрывала, стекали капли крови.

Монстра, которого создал Мирон, больше нет. Янки, фотограф Johnny Rudeboy и Ванька, Иван Евстигнеев, все пропали со страниц жизни Мирона и жизни Северной Столицы.

***

Телефон, соскользнувший после взрыва с дивана на пол, вновь завибрировал. *«Подожди ещё. Стоим на „Чернышевского“, следующая — „Площадь Восстания“»*

Дурацкая задержка

Она помнила всё до малейших подробностей: как весь вагон слышит навязчивое пиканье, которое стремительно ускоряется, как Евстигнеев замечает провода, торчащие из-под ветровки мужчины напротив, как голос из динамиков объявляет прибытие на станцию «Площадь Восстания», как незнакомец что-то кричит, а Ваня прижимает Жемчужникову к себе и падает на пол, заслоня собой девушку, как её оглушает взрыв и тело парализует невыносимая боль и жуткий страх, как по животу, по лицу течёт вязкая кровь. Точно не её.

«Женька, прости...»

Спотыкаясь о собственные воспоминания и многочисленные вопросы фанатов, они дойдут до конца. Вместе. Мирон и Женя. Жемчужникова будет до последнего стараться делать работу на отлично, не давать Мирону отступать, изредка посещая психолога, только когда кошмары от пережитого теракта начнут преследовать её не только ночью, но и днём. Барский, чувствуя ответственность и всепоглощающую боль, не посмеет ни разу сказать Жене, что он «больше не может». Она будет с ним, а он с ней. До последнего.

Лето закончилось, началась осень. Скоро опадут листья, и пройдут дожди, которые смоят все слёзы, залечат душевные раны. В Питер в последний раз придёт тёплый резвый ветерок, который унесёт с собой всю боль и дрожь в пальцах.

До зимы все раны заживут, а шрамы затянутся. И свежий белый снег запорошит одинокую могилу того фотографа, который очень любил жизнь.

Феодорова Юлиана, 16 лет – 2 место

Одиночество после

Недостаточно был любим
Недостаточно сам любил, чтобы сладко писать стихи;
Мало жил, мало видел лиц.

Мягкий камень в себе носил – он ночами стирал мне ребра,
 Как вода истончает в ил разноцветные бляшки стекол.
 Как молчание давит крик.
 Посмотри, на зубах скрипит этот текст – псевдоморе с солью;
 Я хотел утонуть в любви,
 Но погиб, подавившись водкой
 На застолье в честь всех влюбленных
 В эту пресность и в эту жизнь.

Все, что я видел — песок, много-много белых и серых крошек, переходящих в тонкую прослойку ила: вязкую истоптанную резиновыми берцами кашу, на которой находили упокоение редкие полу ракушки, битые стекла и поломанные деревянные палки, то ли принесенные сюда детьми со старой пристани, то ли оторванные водой от трухлявых лодок по другую сторону пляжа. Ниже, по склону, где дно становилось каменистым и чуть мельчало, было много ссохшейся рыбы, мутировавшей от слива химических отходов, скатавшихся веревочками водорослей и кусков ржавой арматуры. К валунам, будто бы подпирающим уходящую вдаль дорогу, липли клочки старых сетей.

Ей здесь нравилось. Она об этом, правда, никогда не говорила, с детства взяв за привычку скрывать свои настоящие эмоции под апатичным безразличием или раздражением, но тот восторг, который я видел в ее глазах всякий раз, когда мы сворачивали к запыленному разрыву в металлической сетке - она отгораживала общий отсек и заброшенные части острова, где вскоре должны были начаться работы по реконструкции, - было не скрыть даже за плотно сжатыми губами и недовольно скрещенными руками. Во время приливов приводить ее сюда (таскаться за ней хвостом) было опаснее всего — пляж тонул в белой соленой пене, напоминающей мне больше странную бурлящую слюну, вытекающую из пасти бешеных собак, нежели прекрасное буйство свободной стихии. Вода была холодной и пугающе темной; никто в ней, сколько я себя помню, не купался, да и не пытался, хотя бы потому, что по периметру горой стояли ограничительные знаки, пророчащие мгновенную смерть каждому, кто рискнет в нее окунуться. Насчет смерти я, конечно, глубоко сомневался, но вот рак кожи не исключал — в этот океан сливали столько гадости, что при желании можно было создать новое биологическое оружие. Во славу науки, во славу Новому Миру. Впрочем, мне было все равно, отравленный океан, омывающий последний островок жизни на подорванной ядерной войной планете — лишь капля в огромной пучине проблем. Куда больше волнения вызывали сами люди. Она – одна из таких людей.

Да, из-за нее все и началось. С ее приходом в мою жизнь я открыл для себя много нового: бессонницу, вечно влажные и холодные ладони, которые я тер о жесткую ткань парусиновых штанов, расшатанную нервную систему, скорбь. И страх. Пожалуй, он в этом списке занимал самую высокую позицию, заставляя сердце качать кровь быстрее, чем корабли успевали пролетать между двумя космическими ямами. Страх заставлял меня кусать губы и теревить на переносице круглые очки, от него шелушилась кожа на тазобедренных костях и тянуло под лопатками, хотя, может, во всем было виновато наступление осени — календарного сезона дождей по старому европейскому исчислению витков вокруг солнца. В Новом Мире мы звали это время японским 斃死 [heishi]. Не знаю, почему, но после великой войны, прогремевшей по континентам в первых числах сентября, оно вошло в оборот как символ приближающейся смерти. В конце концов, все мы должны были от чего-то умереть. Не удивительно, что ей нравилось это время года и это слово; я еще плохо разбирался в ее сложной личности, но все же смог заметить, что она никогда не плакала, даже когда случайно зацепилась ладонью о рыболовный крючок, тогда как я мог разреветься из-за случайно перепутанных во время работы колб или засохшего цветка на подоконнике. Она сторонилась людей, предпочитая им общество безмолвных камней на берегу или мое, мною же навязанное, присутствие. Она не

мыслила в общепринятых понятиях, для каждого предмета в этом крохотном месте, по меркам разгромленного каменного шара, у нее были свои представления, никак не совпадающие с теми, которыми оперировали люди со здоровым психическим состоянием — и все это меня нисколько не отталкивало. Разве что в первые годы работы, когда меня, зеленого юнца, приставили к своему первому объекту наблюдения, я думал: скорее бы все это закончилось. А ведь вроде бы непыльная работка, да? — ходи только, да смотри, чтобы не вздернулась на сплетенных в удавку водорослях, води на процедуры, снимай тесты. И все же. Второе поколение людей, выведенное, почти как крысы, в лабораторных условиях, и предназначенное для отстройки якобы Нового Мира без насилия, требовало жесткого контроля и дисциплины.

Я со временем провалил и первое, и второе, отказываясь таскаться за ней по всему острову — часто она просто сбегала через известные только ей проходы, ведущие в другие сектора, или, как, например, этот, ведущий на пляж, но, кажется, никому вовсе не было до нее дела. Я понял это немного позже. — Это же утиль! — как-то по секрету сказал мне один мой приятель — местный кадровик и учредитель общества «За Новую Жизнь», когда я, потный и запыхавшийся, был готов бить тревогу у самого президента — Расслабся, совет приставил тебя к ней просто для того, чтобы ты чутка привык, обжился после своего университета. Убежала, и черт с ней, не паникуй, вокруг океан, максимум, что она сделает — утопится. Лучше порадуйся, что у тебя появился лишний час на кофе. Этой девчонке жить столько же, сколько твоим кактусам... — Бегониям. —... да, бегониям. Это я к чему... всем плевать. Тут только собаки не знают, — на этом моменте он как-то задорно хохотнул, будто бы выдал только что шутку века, и отхлебнул из желтого термоса что-то смутно напоминающее ромовый чай, — у нее с генотипом проблемы, ученые нахимичили там, кто их разберет... В тот день, выходя из кабинета моего псевдоприятеля, я думал: неужели, так и должны поступать в этом «Новом Мире»? Я думал: а знает ли она сама об этом? Ведет ли учет дней до смерти? Есть ли у нее старенький выцветший календарик, где она отмечает еще одним кружком... Нет, я не был заиклен, то есть, да, был, кажется, после того, как вечером увидел ее стеклянные глаза, направленные в сторону океана.

— Хотела бы я туда отправиться. — сказала она, потирая указательным пальцем ребристый булыжник. — Там же ничего нет, — я, как мог, сощурился, всматриваясь в направлении ее взгляда, будто бы это могло помочь мне рассмотреть другую сторону мира, и пожал плечами, — одна вода. Мои штаны впитали окружающую влагу, как только я присел на песок. Стало холодно. — Там раньше был город, огромный мегаполис. — И откуда ты об этом знаешь? В ответ она одарила меня взглядом, который позже я стал называть «что за дурочку приставили ко мне», она встала и пошла в сторону дороги со словами: — Не знаю, где вы были в это время, но в школе все еще есть предмет под названием старая география, почитайте на досуге. Океан шумел в такт ее удаляющимся шагам, а я продолжал сидеть на песке, ковыряя пальцами мокрый берег. Песчинки забивались под ногти, ветер трепал волосы, и в голове звучали слова того самого приятеля. «Это же утиль!». Еще ни раз мы приходили на это место — если быть честным, она приходила, я притаскивался следом по выданному мне навигатору, отслеживающему ее местоположение, — все также молчаливо всматривались в горизонт и глотали легкими влажный воздух.

Ночами осень накрывала дождями, отчего с утра камни были сырыми и скользкими, пена стелилась дальше, долетая брызгами до мысков шнурованных ботинок. Я сменил футболку на теплую фланелевую рубашку, а на голове стал таскать бейсболку Чикаго Bulls, выкупленную у старичка в магазине старого хлама, уцелевшего и переправленного сюда с бывших континентов. Она предпочитала кутаться в черную безразмерную толстовку и распинывать пожелтевшими кедами валяющееся повсюду стекло. Также плавно, как август в сентябрь, ноябрь перетек в зиму. Небо заволокло

белой пеленой, а прибрежный ил начал трескаться, напоминая мне кожаную обивку дивана.

Работа не менялась, не менялись дни, остров вмерз в планету вместе с нашими нечастыми разговорами о поэзии Китса и той немногочисленной бумажной литературе, которую мне удавалось выкупить для нее у старожилов — после войны книги в их привычном виде больше не печатались, а вся новая информация тут же переводилась на электронные носители, которые она от души презирала и от сердца ненавидела. Зима была сухой и пустой, наводненной моими взволнованными взглядами в чужую спину и ее искусанными губами.

В январе она начала стремительно худеть, но прекрасно скрывала это под несколькими слоями теплой одежды. Иногда она позволяла мне простые прикосновения к рукам — единственное, до чего я мог дотрагиваться, не получив при этом коленом в солнечное сплетение. Порой мы сидели на пляже, и я мог греть ее ладони в своих, потирая покрасневшие костяшки кончиками пальцев — кожа на них немного слезала от постоянного переохлаждения и отсутствия перчаток. Бывало, когда ветер менялся с западного на северный, я отдавал ей свой шарф, закручивая поверх дутой куртки несколькими кольцами. И что-то внутри сильно сжималось и давило. Она улыбалась. Улыбалась еще реже, чем позволяла мне объятия. Но когда я как-то по-особенному хорошо шутил, можно было заметить еле подергивающиеся уголки губ и мелкие морщинки, собирающиеся в уголках прищуренных глаз. Например, когда я говорил: — Сегодня обещали шторм, нужно уходить, здесь опасно. И эти улыбки-насмешки, кричащие «Вы ведь знаете, что сморозили глупость. Серьезно? Шторм, опасность, придумайте что-нибудь, что испугает меня больше, чем смерть», пожалуй, лучшее, что я видел в своей жизни, лучше приближающейся весны и распускающихся почек на деревьях, лучше южного ветра, снятых с головы капюшонов и, наконец, отогревших о лучи еле теплого солнца рук. Весна приходила с именем 孤独 [kodoku], неся на плечах тоскливое одиночество и привкус гниющего торфа с пшеничных полей. Оживший, освободившийся от тонкой прибрежной корки льда океан отражался в наших глазах и оставлял росчерки-брызги на зеленых балониевых куртках с наклеенным поверх логотипом забытого всеми города. — Где ты нашел эти американские шевроны? — Да так, завалились... Да уж, приучить ее обращаться ко мне неофициально было одной из самых трудных вещей за всю мою практику. Труднее только — самому не сорваться, не обнять ее за плечи, положить голову на плечо и стоять так вечность, любуясь плеском воды. Труднее — уходить. Казалось, чем дольше мы знали друг друга в той степени, в которой она вообще позволяла мне узнать себя, тем сложнее было после рассветных прогулок плестись в общежития для персонала, оставляя ее, по-прежнему грустную и молчаливую, у порванной рабицы. Даже без навигатора я знал, что после она снова возвращалась на пляж.

Однажды, думал я, океан заберет ее навсегда. Это чувство, сродни какой-то надвигающейся потере, которую мозг был не в состоянии осмыслить и принять, со временем перебралось из желудка в горло, мешая глотать, потом, вовсе, заполнило слезные каналы. Она это тоже замечала, оттого старалась меньше попадаться на глаза, а если оставалась со мной наедине, повторяла: — Глупо так переживать из-за работы, мне казалось, что ты уже взрослый, чтобы понимать это. И было ли больно оттого, что она отказывалась признавать «нас» чем-то, кроме работы, или оттого, что ее худое, осунувшееся лицо так отчаянно напоминало мне 死 [shi]. Жизнь оставалась жизнью, утекая водой сквозь пальцы и оставляя за собой одни воспоминания. Одним из таких стало миллионное утро на солнечном пляже, где мы, уставшие и сонные, лежали неподалеку от береговой линии и позволяли песку спутываться с нашими волосами. Спиной к спине — так, по-моему, было меньше риска заглянуть друг другу в глаза и проще, для меня опять же, скрыть соль, расплескавшуюся по щекам. Не знаю, что она

чувствовала в тот день, ведь она была скупа на любой вид эмоции, но по ее тихому голосу мне казалось, что ей тоже было грустно прощаться. И не потому, что приходилось умирать, ведь все однажды умирали, это было необратимым процессом существования этого мира, но из-за того, что я не смог бы отправиться с ней, как бы эгоистично это ни звучало. — Знаешь, было бы здорово, — начала она тогда хрипловато, — стать одним человеком. — Зачем? — спросил я. — Чтобы не пришлось умирать дважды. И лето приходило следом за весной с именем света, и я, просыпающийся каждую ночь в половине пятого утра, даже спустя десятки лет все еще чувствовал ее теплую ладонь в своей.

斃死 [heishi] — умирание, смерть (от чего-либо) 孤独 [kodoku] — одиночество 死 [shi] — смерть

Вечная Память!

(очерк)

За исцарапанным окном девятого вагона нескончаемыми рядами тянутся берёзы и ели, окутанные густым туманом, что к вечеру опустился на лесные долины. В воздухе висит приглушённый стук колёс о рельсы и дребезжание серебряной ложечки в полупустом стакане. Стёганая подстилка с кожаной обивкой, потёртой и потрескавшейся в некоторых местах, прогибается под чьим-то весом.

Я поворачиваюсь на бок и подвигаюсь к краю моей верхней полки, начиная разглядывать нашего нового соседа по купе: пожилой мужчина с седой щетиной на лице и опущенными уголками губ укладывает небольшой чемоданчик подле выдвинутого столика и садится на свою не застеленную полку. Густые, сведённые к переносице брови придают ему задумчивый, серьёзный вид. Он трёт трясущиеся руки о жёсткую ткань брюк и тоскливым взглядом всматривается в меняющиеся со скоростью света пейзажи за окном.

Мой отец заводит беседу со стариком, и я невольно начинаю вслушиваться в тихие голоса снизу. Когда разговор заходит о цели визита в Тюмень, наш попутчик низким, немного хриплым голосом начинает свой рассказ-монолог.

— Да вот уже 30 лет прошло, как закончилась война в Афганистане, а я всё поминаю своего старого доброго друга, Мишу Леганова. На могилку к нему приезжал. Хороший был парень, отважный. А как у него глаза искрились, когда его, старшего лейтенанта, начальником инженерной службы полка назначали. Он службу любил, с детства мечтал быть военным... Жена его до сих пор в Тюмени живёт, Мишу своего вспоминает. Дочери, внуки — с ней, все рядом, а Миша далеко, в Бишкеке похоронен. Чужая земля, горячий воздух. Добилась вдова перезахоронения — привезли Мишку через 35 лет в цинковом гробу домой, опустили в родную землю. Лежит теперь среди земляков на Червишевском, снег на могилке — всё по-русски... На могилку я к нему приезжал, повидался с другом...

Он немигающим взглядом смотрит в окно, начинает говорить, уже не глядя на собеседника, как будто ведя диалог с собой, со своей памятью. Старый солдат достаёт дрожащими руками из кармана телефон и показывает чёрно-белый снимок. Молодой лейтенант, красивый, как голливудский актёр (только без фальшивой улыбки), очень серьёзный, не по годам, взгляд.

— Эта фотография сделана за месяц до смерти, в январе 1980... Он был хорошим солдатом. С первых дней на войне. Всегда улыбочивый, шутка в кармане. Вот только у него за пазухой не оказалось девяти жизней... Даже трёх месяцев не повоевал. Ранним утром двадцатого февраля наша группа под командованием старшего лейтенанта Михаила Леганова возвращалась в район дислокации с задания. Чокнутое афганское солнце только выкатилось из-за гор, слепило глаза, освещая тропу между скал. Все чувствовали усталость, но напряжение и тревога не покидали души и тела, языки липли к небу (вода заканчивалась безнадежно быстро), горячие липкие тела обдувал свежий ветер.

От внезапного взрыва перепонки в ушах лопнули, и нас с Мишкой отбросило на несколько метров назад. Я тяжело дышал, считал рваные вдохи моего товарища и каждый раз сбивался, не досчитав даже до десяти. Ещё несколько невыносимых градусов вверх его тело продолжало существовать, а я продолжал молиться за его жизнь. Мои внутренности словно сплывались в один большой комок и тяжело вздрагивали от тока крови. Перед глазами прыгали красные точки, на которые разбилась тропа, и лёгкие заполнял седой пепел. Я полз до товарища на локтях. Не веря в его смерть, всё тряса парня за плечи и тряса, сперва угрожал, потом молил, но Мишка глаз больше так и не открыл. Оставил меня один на один с неподъёмной реальностью. Я горько плакал, вытаскивая из кармана его военной формы письмо из дома, самое дорогое для солдата на войне, на обороте которого – обведённые ручки его обеих маленьких дочерей.

Миша погиб – именно он подорвался на mine, так как шел первым.

Он воевал, пока кровь не обвила красной ленточкой его горло и, впитываясь в чужую землю, не унесла с собой его последнее дыхание...

Старый солдат говорил об этой смерти спокойно и даже торжественно, как, наверное, говорили о погибших однополчанах вернувшиеся с Куликова, и с Бородинского, и с Прохоровского полей наши предки.

Потрясённая рассказом, я отворачиваюсь к стенке, закрываю глаза – и мне улыбается белокурый красивый русский парень – Миша Леганов.

Давно зализанные временем раны не перестают болеть: мы пьём горькие таблетки и накладываем один шов поверх другого, но избавиться от навязчивой ноющей боли всё-таки не можем. Мы льём слёзы, жалея умерших, но жалкие здесь – только мы. Мы сидим на холодной земле рядом с теми, кого больше не увидим, не услышим, с кем не поговорим. Между нами толща почвы и граница, которую просто так не перейти, между нами смерть. И сколько бы мы не кричали в себя, сколько бы мы не бились лбами о могильные плиты наших любимых – их не вернуть.

Но если память о человеке жива, то жив и он – старший лейтенант Михаил Леганов! Вечная Память!

Якимова Ксения, 17 лет – 3 место

Глаза

Яркий диск луны освещал пологий холмик. Коротенькая трава едва шевелилась от легких, ленивых порывов теплого ветра: духота нависла, словно перед грозой. Однако никаких туч на небе не наблюдалось - наоборот, необычайно ясное, почти голубое, не смотря на ночь, небо, матово освещало клочок земли: холм, лес, темной полосой окаймляющий горизонт, и небольшое заброшенное здание посреди тихого поля. Постройка одиноко белела вдали, было видно лишь облупленные стены, гладкие и высокие. Николай остановился и резко обернулся к идущему сзади брата: - Пойдем туда? Мальчик лет четырнадцати, еле поспевающий за старшим, тоже остановился и уставился на одинокую постройку вдали.

- Знаешь, сейчас все равно уже, - выдохнув, отозвался он, - лишь бы где-нибудь остановиться.

Он поправил большую квадратную сумку на плече и вздохнул. Николай выпрямился, задрал голову и уставился на небо, огромное, как океан. Луна плескалась в этих дивных, невидимых воздушных волнах, заглушая ярким светом робкие огоньки звезд. Это было красиво, невинно, как-то по-особенному...

- Пошли, - младший потянул Николая за рукав, - я устал... тем более, прошло уже более трех часов, как мы ели, неплохо было бы перекусить.

Николай беспрекословно пошел за братом, все так же молча таща в руках похожую квадратную сумку, которая лишь немного отличалась размерами от багажа младшего брата. В сумках обоих таилось примерно одно и то же: куча кистей всех размеров, несколько разрисованных холстов, пестрые палитры и тюбики с красками, и, конечно же, складные мольберты. Сумки давили на плечи, усталость тяжело ложилась на глаза, ноги тащились еле-еле. Это же надо было – опоздать на последнюю электричку! В воздухе звенела тишина: лишь иногда слышались плачущие крики какой-то ночной птицы. Шелест травы под ногами, легкий вой ветерка, дальний стрекот кузнечика, - все эти звуки складывались в особенную тишину, в которой хотелось закутаться и заснуть.

- Ох, уже немного осталось идти, - младший, Костя, обернулся к Николаю, - слышишь, Коль?

- Слышу, - отозвался тот, и слегка улыбнулся, – слышу и вижу.

- Как чувствуешь себя?

- Ничего...

- Вот, и идти осталось всего ничего... - Костя поправил сумку и сладко зевнул, - Интересно, что это за здание?

Не прошло и пяти минут, как братья уже стояли напротив высокой гладкой стены, белой от лунного света, с обсыпавшейся штукатуркой, где просвечивал, побледневший от времени, кирпич. Николай обошел постройку и остановился у темнеющего в стене входа, заросшего полевой растительностью.

- Пойдем?

- Конечно, - Костя шмыгнув носом и с любопытством заглянул за спину брата.

- Ты погоди. Сперва я.

Николай осторожно зашел внутрь, и тут же ощутил легкую, приятную прохладу, идущую от каменного пола. Каменный пол, на удивление, был гладок и цел: темные стены возвышались полукругом. Тут же потухли все внешние звуки: здесь было действительно тихо.

- Ничего себе! – Костя осторожно вошел, восторженно оглядываясь по сторонам. Здесь было такое громкое эхо, что он вздрогнул от собственного голоса, - что это за место?

Николай пожал плечами.

- Наверное, заброшенная церковь.

Он уселся, прислонившись к стене, глядя, как брат изучает новое место. Из окна, у которого он примостился, светил яркий луч луны. Николай вытащил из сумки изрисованные днем холсты и принялся пристально рассматривать их. Тем временем Костя закончил обозрение пристанища и тихо подсел к брату. Вытащив из кармана сумки пирожок, он откусил его и тоже уставился на этюды Николая. Тот же рассматривал рисунки долго и пристально, словно анализируя взглядом все мазки, сложенные в гармоничный пейзаж. Взгляд его замер, лишь иногда двигался по площади холста, и непонятно было, о чем он думает в этот момент. Отряхнув руки от крошек, Костя ткнул пальцем в небольшой пейзажик в руках старшего брата:

- Мне очень нравится.

Тоненькая речка синей лентой весело струилась недалеко от леса. Небо, чистое, девственное, наполненное солнечным светом, березка невдалеке. Это, поистине, был очень удачный этюд.

Однако Николай равнодушно пожал плечами.

- Ничего особенного...

- Тебе все «ничего особенного», - с завистью протянул Костя, - мне бы твои «весьма обыкновенные», как ты выражаешься, работы, принести и сдать – одни бы пятерки были.

Николай окинул брата пустым взглядом.

- Бери.

Однако тот резко замотал головой.

- Это же я так, к слову. Я должен намалевать все свои долги сам, - Костя помолчал и тяжело вздохнул, - ты очень хорошо умеешь рисовать... вот здесь засветлил, потому что дальний план, - Костя указал рукой на лес за речкой на картине, - тут небо затемнил – все по правилам. Хотелось бы мне рисовать также как ты.

На это Николай промолчал. Наконец-то он тихо произнес:

- А я даже не знаю, чего я хочу...

Костя удивленно окинул его взглядом.

- Как это?

Тот неопределенно пожал плечами.

- Такое бывает. Школа закончилась, отпали какие-то обязанности, а впереди что-то большое, неизвестное, пугающее. Я постоянно боюсь... сделать неверный шаг. Николай замолк и окинул быстрым взглядом холсты, которые держал в руках все это время.

- То, чем я занимаюсь, совсем не то, - он отбросил этюды в сторону и тяжело вздохнул, - понимаешь? Мне кажется, словно я трачу свои способности, только ради того, чтобы куда-то их девать, эти способности... они не дают мне ровным счетом ничего – эти пейзажи, холмы, деревья. Миллионы, нет, миллиарды таких картин сейчас по всему миру... а я хочу чего-то другого. Я хочу не примыкать к этой массе художников-пейзажистов, не примыкать к миру, а как-то менять его... Эх, наверное, ты не поймешь. Николай снова вздохнул, уставившись в одну точку. Костя тоже какое-то время молча разглядывал грязный шнурок на сапоге, не говоря ни слова, словно переваривая внезапную информацию. Наконец он шмыгнув носом и сказал:

- Кажется, много ты на себя берешь, мучаешь себя чем-то постоянно, терзаешься... для чего? Живи себе спокойно, малюй пейзажи и ни о чем не беспокойся. Главное, чтобы это приносило удовольствие тебе, - Костя сделал ударение на последнем слове и пытливо посмотрел на брата. Тот вздохнул.

- Ты другой природы человек, Кость. Беззаботный ты. Мне не представляешь, как тошно от того, что я творю – Николай с отвращением покосился на одиноко белеющие на полу холсты, - ладно, ты – еще учишься, набиваешь руку, тебе простительны такие пейзажики... ну а я? Я должен создавать что-то новое, что-то, над чем зритель мог бы задуматься... Мои ничтожные работки могут пригодиться лишь для украшения спален, но никак не для размышления.

Воцарилась тишина. Где-то за стеной послышался стрекот сверчка, и тут же умолк. Костя зевнул и огляделся по сторонам.

- Вечно ты накручиваешь себя, - сказал он, - неужели нельзя жить проще? Ох, пить что-то захотелось, - он вытянул из рюкзака бутылку, наполовину наполненную водой, и, отхлебнув из нее, вдруг резко тронул Николая за плечо

- Что? – обернулся к нему тот.

- Ты совсем забыл? Тебе же нужно выпить таблетку...

Николай поморщился и отвернулся.

- Не сейчас
- Но нужно ведь соблюдать режим...

У Николая с самого детства наблюдались серьезные проблемы с сердцем, и это определило всю его последующую жизнь: посещал Николай специальную школу, и вообще рос тихим и замкнутым. Постоянное принятие таблеток вошло в привычку, однако Николай все чаще начал нарушать режим.

Но Костя так беспокоится... Вздохнув, Николай все же вытащил из кармана упаковку с таблетками и закинул в рот одну. Костя посмотрел на брата:

- Коль, скажи... они вообще помогают?
- Кто?
- Ну, таблетки эти...

Николай убрал упаковку обратно и улыбнулся.

- Не знаю.
- Как же так?!

- Видишь ли, я с детства привык к такому своему состоянию, - Николай помолчал, прислушавшись к звукам на улице, - привык постоянно прислушиваться к себе, научился различать стадии приступов и предчувствовать их... таблетки, это так, для порядка, для того чтобы быть более уверенным в себе. Нельзя же совсем без лечения. Вряд ли они дают какой-то эффект.

Он помолчал немного и сказал:

- Иногда мне кажется, что я такая же пустая таблетка – в инструкции написано, что делает то-то, то-то, а на деле – нужна лишь для соблюдения правила, хотя ничего, по сути, в себе не несет...

Мотылек, пошелестев крыльями, пронесся мимо братьев, и вылетел в окно. Луна чуть сместилась и осветила почти половину здания – теперь уж точно стало понятно, что временное пристанище братьев являлось старым храмом. Изнутри стены были покрыты не то пылью, не то еще чем-то – точно разобрать было нельзя. Кое-где из-под стены выглядывала трава.

- Интересно, - задумчиво произнес Костя, оглядывая храм, - интересно, а что здесь было... до того, как это место забросили?

Его часто интересовали такие вопросы: что же было здесь тридцать, сто лет назад? Это будоражило сознание, заставляя по-иному смотреть на вещи. Быть может это тихое, молчаливое место, пустое и всеми покинутое, когда-то было одним из красивейших храмов? Быть может, здесь собиралось множество разночинных людей – кто знает? Разве что стены могут помнить все, что было здесь – да молчат.

Костя встал, прошелся по помещению. Было прохладно, но совсем не сыро – наоборот, стены и пол были покрыты едким слоем пыли. Стены высились вверх – и смыкались там, образуя некий колпак. Под самым местом куполом Костя заметил гнездышко: оказалось, это место облюбовали ласточки.

- Если это храм, то должны быть иконы, - сказал Костя, обращаясь к брату, - слышишь, Коль? Куда они делись?

- А кто знает, - отозвался Николай, - может, бедные люди в войну растащили. А может, когда храм закрывали, их просто сожгли.

Он привалился к стене и прикрыл глаза. Здесь было необычайно спокойно – казалось, нигде он не чувствовал себя таким защищенным, как здесь. Негативные, тревожные мысли по поводу будущего сами собой отошли на второй план. Душа

отдыхала.

Костя все бродил по храму. Остановившись у одной из стен, задумался. Оглянулся на темную фигурку у окна. Вздыхнул.

Хоть Костя был и младше, а все-таки ощущал постоянную тревогу за брата. Он старался по мере своих возможностей помогать ему в любом деле, а Николай сердился и говорил, что может все сам. Но много ли сможешь с больным-то сердцем?

Сегодня, когда ребята опоздали на электричку, Николай ужасно нервничал. Последняя электричка, одинокая станция, слева поле, позади лес. Куда идти, где остановиться? Хорошо хоть родители гостят у родственников в чужом городе. Не хватало еще, чтобы они начали волноваться. Снаружи прокричала ночная птица. И снова тишина... Костя хотел зевнуть, но тут же подавил зевок. На стене, прямо напротив себя он увидел силуэт. Оглянувшись на задремавшего брата, Костя снова посмотрел на стену – точно, темный силуэт. Сперва могло показаться, что это тень – но нет. Подойдя к стене, Костя потрогал холодную, гладкую поверхность, и тут же разглядел очертания лица.

В голове что-то щелкнуло, и Костя неуверенно потер краешком рукава там, где были очертания лица. Что-то стало проявляться, и Костя, увлекшись, принялся тереть из-за всех сил, уже не рукавом, а носовым платком. Постепенно слой пыли, каменно прилипшей к стене, начал слезать. Проявилась часть лица, затем лоб, подбородок... Уже через полчаса Костя легонько теребил за плечи Николая. Его глаза светились от радости.

- Ты чего?- Николай непонимающе уставился на Костю, морщась от резкого пробуждения.

- Пошли скорее, такого ты еще не видел.

Николай нехотя встал, и направился за младшим братом. Подойдя к стене, к которой его подвел Костя, Николай замер.

Луна совсем склонилась к горизонту, и светила уже почти напротив окна – матовый луч освещал темную от времени стену, над которой так корпел Костя. Темный силуэт был освещен луной, но было видно лишь - глаза, огромные и глубокие. Николай пораженно смотрел в них – человек, писавший эту фреску, сумел передать на лице все – кротость, смирение, и такую любовь в глазах! Они обладали какой-то отдельной, чистой энергией, которая нигде еще не ощущалась. Не было использовано никаких художественных правил в написании – можно было сказать, фреска была написана совсем неправильно. Но при этом лик женщины, изображенной здесь, сумел собрать в себе все.

Оглянувшись на брата, Николай пораженно произнес:

- Откуда это?

- Фреска под слоем пыли здесь была, - довольно ответил Костя, - я лишь немного оттер ее, - он подошел к фреске и принялся ее рассматривать.

- Ты посмотри, какие глубокие глаза, - тихо сказал он. Николай снова обернулся к прекрасному лику. Казалось, что эти глаза смотрят прямо в душу – и под их воздействием тут же хотелось задать себе давно волнующие вопросы, которые мы блокируем в себе день ото дня, откладывая на потом, лишь по причине лени думать, размышлять. Хотелось, наконец, задать себе эти вопросы – и задуматься над ними. Быть может, это и есть высшая духовная сила в визуальном изображении? Интересно, достиг ли художник, писавший эту фреску, собственного, внутреннего идеала?

- Я даже оторваться от них не могу, - почти шепотом произнес Костя, замороженно рассматривая лик, - но, почему-то, одновременно и страшно в них смотреть...
 - Наверное, мы слишком далеки еще от той духовной полноты, которая изображена здесь, - сказал Николай, - потому и страшно...

- И написано не по правилам совсем. Разве так можно?

- Можно, - ответил, не задумываясь, Николай, и тут же сам задумался над этим простым ответом на свои внутренние сомнения и терзания. Сжимая свой талант рамками из правил, можно лишь разрушить в себе всякую потребность творить – а главное писать именно душой и сердцем...

В храме чуть потемнело – и уже через минуту несколько тысяч капель ударило по куполу. Братья вздрогнули

- Дождь, - произнес Костя и улыбнулся.

В окне уже виднелось чуть потемневшее небо с исчезнувшей луной, и тонкая красная полоска за горизонтом. Она все розовела и увеличивалась.

- Рассвет? Уже? – Костя улыбнулся еще шире и направился к выходу, прямо под дождевые капли, - урааа!

Николай еще раз оглянулся на лик фрески, и тоже зашагал к выходу. Дождь длился не больше пяти минут, закончившись почти сразу, как из храма вышел Николай. Трава после дождя стала ярче, как будто зеленее – лес вдали потемнел. Небо окрасилось сиреневым цветом, и край его постепенно розовел и розовел. Николай улыбнулся. Как хорошо, как легко стало вдруг!

- Красиво, - произнес Костя, - как прекрасна жизнь, правда, Коля?
 - Правда, - улыбнулся Николай.

Вскоре на горизонте показалось солнце, осветив поля, заброшенную церквушку, лес, и две фигурки на холме нежным, розовым светом.

Коржова Полина, 9 лет – Специальный диплом «за своеобразный стиль общения с читателем в своих произведениях»

Саша, Женя бабочка и муравей

Как-то раз мальчик Саша прогуливался по лугу. Наигравшись, он стал наблюдать за микромиром. Саша заметил бабочку и долго-долго замороженно глядел на неё, а потом сказал:

- Ах, какая же ты лёгкая и счастливая!

Но бабочка полетела дальше, и мальчик побежал следом, но наткнулся на муравейник. Он остановился, присел на корточки, и увидел муравья, который нёс травинку, а на ней десять песчинок.

- Не завидую тебе, муравьишка, бедненький, - Сказал Саша.

Потом пришла девочка Женя, и они пошли по домам. Мальчик рассказал соседке о случившемся, но Женя сказала:

- Ты не прав. Всё как раз наоборот.

- Ну и чудная же ты! - сказал Саша.

Девочка хотела всё объяснить, но в это время пришёл её старший брат, чтобы напомнить, что ей пора домой. Саша не вдумался в слова Жени, и выбросил их из головы.

А вы что думаете: Кто лучше Саша или Женя?

Кто из них прав?

А кто счастливее, бабочка, Женя, Саша, или всё-таки муравей?

Правильно, эта история про то, что надо жить с пользой, и только тот, кто это делает, по-настоящему счастлив!

«Пещера примирения»

- Саша! Сашка, вернись! Вернись немедленно!

- Нет, Виола, нет! Ни за что!

- Вот вредина! Раздражённо бросила Виола и поспешила за ним. - Лукас! Ни с места! – На ходу бросила она.

Лукас, кругленький мальчик лет трёх, не нашёл ничего лучше, как кинуться за ней. А пока они все бежали, я расскажу вам, что собственно здесь происходит. Виола, высокая восьмиклассница, учится на одни пятёрки, всё делает только по правилам, не на шаг не уклоняясь от нормы. Обожает всеми командовать: в школе одноклассниками, дома братом, а теперь ещё и Лукасом. Саша – пятиклассник. Он брат Виолы, и по совместительству полная её противоположность. Невысокий и худенький, он ненавидел правила, всегда делал всё по-своему, в школе перебивался на тройках и был постоянным искателем приключений. А про Лукаса и говорить особо нечего. Пухленький малыш, он приехал сюда со своей мамой, так как она была хорошей знакомой мамы Саши и Виолы. Сейчас мамы ушли, оставив детей дома. Лукас пребывал в вечном восторге, всему удивлялся и ходил хвостом за старшими.

Тем временем ребята уже добежали. Ого! Ахнул Саша. Он прибежал первым. Что! Что! Покажи! Это Лукаша. Он тут же потянулся к огромной норе, и начал падать.

-Лукас! Держись! - Крикнул Саша и схватил его за ноги, но тут же заскользил.

-Виола! Давай скорее! – позвал Сашка. Виола была уже тут. Она уцепилась за брата и все трое кубарем покатались вниз. Поначалу дети испугались, Лукас даже разревелся, Санька зажмурился, а Виола пыталась не подавать виду, что боится, хотя была сильно напугана.

Но вдруг Лукас восторженно закричал:

- Смотрите! Смотрите! Вон там! Везде! Так светится! Красиво!

- Где, Лукас, где? Покажи мне, я не вижу! – Подбежал Саша. Он обвёл яму взглядом. Она была довольно просторной, размером ни меньше их квартиры. Её без зазрения совести можно было назвать пещеркой, но она была очень тёмной и мрачной, и конечно никак не могла светиться.

-Да везде, везде! – обвел яму своей маленькой ручонкой Лукас.

-Да ты посмотри-ка! Наш Лукас кажется, видит что-то особенное! – Сказал Виоле Санька.

- Да ну! - Воскликнула Виола! - Он просто глупый удивлённый малыш! Ему всё время что-то мерещится! А мы с тобой уже большие, мы должны думать, как выбраться отсюда.

-Вот это да! - подумал Сашка. – Виола, эта Виола, строгая и решительная ставит его в один ряд с собой. Его, Сашку, которому только и дело что мяч во дворе гонять.

-Ну, Саша, подойди же сюда, вы же это проходили в школе на ОБЖ.

- Нет, я прогуливал

-Но ты мне ничего не сказал!

- Я врал. Врал, врал, врал. Я врал всё время. Я скрывал от тебя всё, всю свою жизнь! Это было глупо...

- С моей стороны тоже было очень глупо держать тебя в страхе.

- Но ты, Виола, ты то почему не расскажешь, ты же всё помнишь и знаешь.

- Я... Я не знаю... Я не могу знать всё. Я никакая не умная, а просто маленькая зазнайка...

И как только они сознались, пещера преобразилась голубым мерцанием.

-Ого! Как всё искрится! - ахнула Виола.

- Ага! Классно! – ответил Саша. Лукас со счастливым видом присел рядом. Ребята заметили, что его взгляд стал умнее и осмысленнее чем раньше. В это время выход стал приближаться, и в конце концов они оказались наверху.

- Бежим скорее домой, а то нас потеряют! – крикнул Сашка.

-Бежим! – подхватили Лукас и Виола. И ребята побежали. Они были счастливы.

Медов Магомед, 15 лет – Специальный диплом «за достижение реалистичности в образах наших современников»

Глава III (из рассказа «Туда, где ты ненавистен»)

Заправки - это маленькие оазисы на дороге, особенно для путешественников на машине. В американских фильмах девяностых их показывают вонючими и скучными местами где-то при деревне, в которых сидят всякие прыщавые подростки, хамящие посетителям. В России все наоборот.

Меркурий в поездках не любил все, кроме отелей, некоторой еды и заправок. Когда он заходил после трех-четырёхчасовой поездки в душной машине в магазинчик при заправке, он чувствовал приятный запах бензина, холодный воздух кондиционера вперемешку с запахом кофе, все это многообразие ароматов делало из обычной бензоколонки место приятное и такое, в котором хочется остаться подольше.

Автобус остановился, видимо, чтобы заправиться, подумали многие, но после стоянки 15 минут, все стало очевидно. "Что-то сломалось?" - было первой мыслью Меркурия, - Мы простоим дольше? Ну ладно..."

- Хочешь прогуляться? - выдвинула предложение спутница Мерка.

- Может да, а может и нет. Не знаю. Если хочешь, я пойду с тобой, но у меня есть желание купить несколько снеков и кофе. Так что, да, пошли.

Виола показала свою улыбку

От колонки до кассы с магазином было метров двадцать. Виола взяла Мерка за руку, её лицо выражало счастье, может влюблённость, чего нельзя было сказать о выражении лица Мерка. Оно было совершенно без чувственным, можно было заметить только небольшие подёргивания от слабого солнечного света. Но Виолетте было без разницы:

"Видимо таков он..." - утешала себя девушка.

Они зашли в кассу-магазин. Приятный, холодный воздух из кондиционера вырвался из дверей, открывшихся как по волшебству.

Перед ними появились ряды из автомобильных аксессуаров, вредной еды, стоек с холодной водой, и в конце всего этого изобилия была касса, за которой стояла девушка, обычная, ничем не примечательная.

Возможно, она бы понравилась Меркурию, но простота привлекает не всех, по крайней мере, не его точно.

- Здравствуйте! Я так понимаю вы не заправляться?

В голове Мерка, прошла мысль, что даже голос у неё простой, как у деревенской девушки.

-Как догадалась? - спросила Виола.

-Машина. У нас нет машины. А автобус стоит не возле колонки, - сказал Меркурий

-Оу...

-Кстати. Здравствуйте.

-Здравствуйте! - Девушка за стойкой улыбнулась.

Виолетта почему-то промолчала.

Меркурий спросил у Виолы:

-Ты чего-нибудь хочешь? Может воды или снеки?

-Хочу... Хочу прогуляться - С этими словами Виолетта вышла из магазинчика. Меркурий, немного постояв и выдохнув, вышел за ней, предварительно что-то купив.

Выйдя из магазинчика, осмотревшись, и не найдя Виолу, он прошел к двум парням, лет восемнадцать-двадцати.

- Привет, вы не видели тут девушку, примерно такого роста? - Мерк указал рукой примерный рост Виолы.

Парни перекинулись взглядом, и один из них заговорил:

-Что? Прости я тебя не понял, ты это ко мне обращался?

-К обоим...

-Точно такой рост? - во взгляде парня читалось, что хочет подурочиться с «городским». Взгляд второго же парня совсем ни о чем не говорил, буквально. Его выражение лица казалось совершенно тупым, как будто в его голове совсем не было мыслей: ни одной, совсем.

- Хочешь поиграться: иди найди другого человека.

Говоря это, Меркурий смотрел в сторону второго и удивлялся тому, что с его стороны не следовало реакции, он даже ни одной мышцей лица не шевелил, чего не скажешь о первом.

Видимо, то, что Меркурий не понимал шуток, разозлило его:

- Слушай сюда. Ты видимо не понял. Это просто шутка.

- Да, - молчун, к удивлению Мерка, сказал слово.

- Давай серьезно, хорошо? - сказал Меркурий, - Просто скажи мне, здесь проходила девушка?

- Да, - молчун снова заговорил, что уже начало пугать Меркурия.

- Куда она пошла?

- Да.

-Ты шутишь, да?

-Да.

-Идите вы, - Меркурий ушел в сторону автобуса, чтобы больше не видеть лиц этих деревенщин и найти Виолетту.

Подойдя к автобусу, он увидел водителя, капающего в моторе.

- Здравствуйте. Могу ли я вам помочь? - Меркурий не разбирался в машинах, поэтому вряд ли мог чем-нибудь подсказать, но по-хамски пройти он не мог.

-Чем ты мне поможешь? – эти слова отозвались громом в голове Меркурия.

Обычный день, обычная неделя, обычная повседневная жизнь. На кухне, как всегда, стоит кастрюля с едой, остывшей, но все такой же вкусной, как при первом приготовлении. В гостиной - телевизор, но выключенный, потому что смотреть его некому, да и не нужно. Родители где-то там за стеной, думают, чего бы купить, ведь еды в холодильнике почти нет, а дети так и просят чего-нибудь вкусного, в том числе и тринадцатилетний Меркурий. Трое детей ждут отъезда родителей в магазин: чем быстрее уедут, тем скорее дети получат свои сладости и прочие гадости, которые портят их маленькие, неокрепшие организмы. Стук в дверь.

Снова стук. Кажется, все поняли кто пришел. Старший сын подходит и открывает дверь. За порогом стоит мужчина, знакомый Меркурию еще с ранних лет, - Борис, лучший друг отца и всей семьи. Мерк и так знает, зачем он пришел: поговорить с отцом, пообедать едой, приготовленной мамой, и пообщаться с детьми, которых у него самого не было.

Меркурию всегда казалось, что за богатства и статус, Борис заплатил большую цену - способностью иметь детей, поэтому от него ушла жена. Так что дети были не

против того, что Борис относился к ним как к родным, хоть это и заставляло их чувствовать себя неловко.

Борис выглядел серьезным, что неудивительно, ведь он был главой своей компании, которая занималась строительными материалами и их перевозкой. Доход был неприлично большим. Но в один день всё изменилось...

- Вы к отцу? - спросил Меркурий

- Д-да...

Меркурий позвал отца. Увидев отца, Борис тут же начал рассказывать свою проблему. Отец Мерка попросил отойти его в другую комнату, так что причину такого вида Бориса сам Меркурий узнать не смог, хотя услышал что-то о закрытии бизнеса.

На самом деле, Борис потерял не только собственный бизнес, но и практически все деньги, включая и те что были отложены на худшие времена. Из-за больших задолженностей компании, и кризиса, Борису пришлось отдать все деньги и даже собственный дом.

Борис потерял всё.

- Чем мы можем помочь? Может ты пока у нас поживешь? Может денег дать?

- Чем ты мне поможешь? Чем ты мне поможешь...

- А?

Меркурий проснулся словно от нескольких будильников.

- Ты чего разорался? – удивился водитель автобуса.

Меркурий из-за ярких лучей солнца мог различить только силуэт стоящего рядом человека. Пока Мерк отходил от микро ожогов, оставленных солнцем, человек, стоявший рядом дал ему таблетки, обезболивающие. Меркурий проглотил их.

Ясность вернулась к Меркурию, и он увидел, что перед ним стоит парень лет 17, потрепанный, грязный и...

Без руки.

- На вот, запей, - парень протянул бутылку с водой.

- Сколько я тебе должен?

- Чего сколько? Денег?

- Да.

- Не нужно, это ж пустяк.

- Окей. Девушку не видел? Чуть ниже меня, и вот с такими волосами, – Мерк показал рост и длину волос Виолы.

- Да. Она зашла в автобус, пока ты тут лежал.

- Хорошо.

Меркурий проверил карманы и содержимое пакета, что купил в магазинчике.

- Слушай, а ты не механик?

- Да, подрабатываю здесь.

- На возьми их - Меркурий протянул паренючку немного денег. Считаю, око за око.

- Спасибо, -парень взял их своей единственной рукой. Меня, кстати, Дамир зовут.

- Дамир! Иди сюда! - крикнул Борис.

- Бывай, может еще увидимся, - сказал Дамир и убежал к водителю.

«Интересный парень. Очень интересный» - подумалось Меркурию.

Странное дело - оставлять ребенка одного. Нет, не просто оставить случайно в супермаркете или детском саду, а оставить и забыть, словно вещь.

Как можно оставить ребенка?

Человек придумал множество способов избавиться от своего чада: детские дома, продажа в рабство или просто отдать какому-нибудь встречному. Все эти способы более-менее гуманны, но одно Меркурий понять не мог, и это был аборт. Он не понимал, как человек, подаривший жизнь, мог так просто от неё избавиться. Даже если ребенок мог родиться с дефектами, даже если его жизнь была бы похожа на ад, человек не мог решать за него. Ни мать, ни отец не могут решать за еще не познавшего мир человека, жить или нет.

«Странно. Почему сейчас я думаю об этом?».

Меркурий зашел в автобус, возле которого не оказалось водителя. Там он увидел Виолетту, сидящую на том же месте.

- Ты почему ушла?

- Просто так...

- Если ты ревнуешь или что-то такое, то мы с тобой даже не пара, не друзья, не знакомые. Ты же в курсе?

- Да, но...- остановилась Виола. - Может ты хочешь быть со мной?

- Нет. С чего бы мне должно хотеться встречаться или быть с тобой. Ты слишком торопишься.

- Прости.

-На вот, возьми. - Меркурий дал ей то, что он недавно купил в магазинчике.

-Что это?

-Бутерброд и чай.

-Я не хочу.

- Ну ладно. - Меркурий ненадолго задумался. - Слушай, мы можем быть пока друзьями, хорошо? Просто, я знаю тебя только часов семь или восемь.

- Друзья? Ладно. Тогда отдай мне бутерброды и чай: я голодная.

- Вот держи. Кстати, ты не знаешь автобус починили?

-Да, я узнала от Бориса Сергеевича, что мы отъедем через полчаса. Кстати, ты вовремя проснулся.

-Ты видела?

-Да. Тебе тот парень помог. Дамир вроде.

-Это он.

В автобус начали собираться пассажиры, последним зашел Борис, который, видимо, забыл о Меркурии.

Автобус начал отъезжать, вдруг по стеклу постучал Дамир.

- Эй! Можно я с вами поеду? Меня тут ничего не держит. Пожалуйста, я заплачу!

Борис открыл двери автобуса и в них зашел Дамир.

- Давай деньги, если хочется поехать.

- Вот. – Дамир протянул мятые купюры и горстку монет, которые он, видимо, получил с подработок.

- Хорошо, садись.

Дамир уселся на место возле девушки с синими волосами.

Автобус двинулся, и начал снова ехать по бесконечной дороге. А Меркурий до сих пор не знал куда же он едет...

Златова Александра, 17 лет – Специальный диплом «за оригинальный поэтический слог в жанре сказки»

Тёплая сказка

Уж много месяцев по городу разгуливала буря, печально окрапляя белилами асфальт, а там как заревет, как дунет, в лицо ударив хладом человека, что осмелился уютный дом покинуть. Она желала миру показать свою отчаянную злость, прогнав в подвал бездомного Барбоса, завывала:

- Ну что, не я ль сильнее всех? Не я ль держу вас по домам, не я ль луну украдала, что блеском озаряла ночь? Нет, не уйду, отныне я вам не по силам, а вы держитесь по углам, от страха застывая, когда в окно стучу я кулаком... -

Волнами снега завалило город, грустили люди и качали головой. Нельзя же так, безумная пурга испортит волшебный праздник - Рождество, нельзя. Фонарщик старый заглянул в окно, рождественскую песню напевая, да понурил усталый, тяжкий взгляд: " Пора б фонарь на главной улице чинить, а то утонем мы в холодном мраке, - Но носа из дому он высунуть не хочет - небось пождет"...

А вот метель на площади выплясывает вальс, кружится, да смеется, довольная сама собою. Как ловко вымела людишек с улиц, как щедро одарила их гнетущею тоскою. Накинула красавица плащом на плечи сиянье Северов, блестящи снежны косы распустила, да как прекрасна... Но места в сердце нет смиренному теплу, хотя бы капле... Лишь горечь, лед, груз тяжкий на душе. Летит пурга, могуча, да велика, и слышит плач. Он тих и тонок, чтоб не мешать веселому снежку кружиться в сладком танце. Метель замедлилась и видит... На улице стоит фонарь. Главою вниз, устал и слаб. О неминуемом скорбит он. Едва заметно теплится огонь в нем, но вот потухнет от отчаяния, моргает лампа ветру в ритм, слабея с каждым мигом. Взглянул фонарь на ярую метель, да прошептал:

- Ну вот и все, конец явился рано так. К утру уж не останется во мне тепла, да погрузится улица во мрак... Потухну раз и навсегда, не долго ждать осталось... -

Пурга хлопнула глазами:

- Узри, мой друг, кругом прекрасно. Колючие ветра несутся вскачь, снежинок-девиц подбирая, со смехом в небо возвышают. Ах, эти тучи! А они? Велика, хмура пелена, ни солнца, ни луну они к земле не подпускают. Царица я отныне! Уже который месяц никто не сверг меня. Чего же ты грустишь, погибель предвкушая, Ах, оглянись, какой простор, какой же бал! -

Не понимала ярая метель, чего ж фонарь отчаянием полн. А тот замолвил, еле-еле:

- Да как бы бал. Замерзшей жизнью веет. Ни звука, ни души в округе нет уже который день... А я желал... Желал я быть луною, такую яркой, бледной, что словно акварельный блик... -

- Ну так чего же? Слейся с красотой, что воссоздала я в один прекрасный миг. Иль... Хочешь ты сказать - несчастную мечту я забрала? Не только у тебя... -

Фонарь вздохнул, продолжил:

- Светил я, улыбались мне. От пар, влюбленных отгонял я тьму, а в миг, какой ребенок пробежит, приостановится, мой лучик словит, с счастливой искоркой в глазах спешит домой... И с бледноликим диском мы общались. Как он загадочно мне подмигнет, да ласковое слово бросит. -

Пурга затихла в миг, фонарик грустно всхлипнул:

- Во мне мечта жила. Светлейшая мечта. Я жить хотел, светить, а коль и далее пошло, так и тепло дарить бы смог... Казалось, снег, зима - милейшая пора! Кругом белым-бело, да блещет одеяло, что землю прикрывать должно. Но нет... Явилась ты. И вот, забыл я уж, как лунный диск живет, как солнце наполняет сердце песней! И что ж сейчас? Судьба замерзнуть тут, к бесстрастным льдинам пригнувшись одиноко, да умирать, ведь сквозь ветра, что словно стражники твои, ни мастер, ни фонащик не проскочит... -

Пурга тотчас взвилась по кругу, фонарный столб с досадой обвила своей рукой морозной. Она согреть его вдруг быстро пожелала. Снежком присыпала верхушку, да гладить ласково металл озябший принялась.

- Луна жива, но спрятана в обличье туч, она все также велика, далека, крутобока, но... Может, льдистая слегка... А ты закрой глаза, светило, спи. Как люди говорят, днем чудеса случаются, не ночью... Зима не вся страшна, мороз не каждый лют, лишь я на мир обозлена... -

Раскаяние вдруг пронзило бурю, ей стыдно стало, грустно. Поникла, косы серебра в пучок сплела. Вздохнула, огляделась. И правда: отверженностью улица полна. Все мертво, глухо, скучно... Фонарик усыпила, всю ночь шептала на ушко ему ласковы слова, да Рождественские песни пела... Так ночь прошла.

Фонащик утром шторы отодвинул, да чашка так и выпала из рук. Ведь ясно-красно солнце мужчину ослепило.

- Вот это чудеса...- присвистнул он. Неужто, успокоились ветра? Кажись, мороз уснул, а с ним печаль.

Повыходили люди, улыбались, а великаны снега приветливо смеялись им в ответ. А тут и птицы: Снегири, синицы чириканьем своим предвидят день чудесный, играют, да рябину огненную мнут... На площади же спит фонарь, мечта которого теперь совсем не угнетена...

Номинация «Поэзия»

Усольцев Богдан, 12 лет – 3 место

«В тобольской ссылке»

*В первой половине июля 1917 г. на секретном заседании
Временного Правительства было постановлено отправить
Царскую Семью в Сибирь.
Из книги «Письма Святых Царственных Мучеников из заточения»
Санкт-Петербург, 1998г.*

Земля укрылась в золотой листве
Внезапным утром, ранним и суровым,
Когда в прохладный август во дворе
Прощался русский царь с родимым домом.
Молился как-то сбивчиво, с трудом.
И вышли сын и дочери с иконой.
- Благослови на путь, родимый дом.
На путь в Сибирь, далёкий, незнакомый.
Он всё своё богатство оставлял,
Коней и книги, золотые кубки.
Их ждал Тобольск, потом – седой Урал,
Далёкий край, заброшенный и скудный.
Из книг они лишь знали о тайге,
О роковых для них горах уральских,
И безмятежно плыли по реке,
Свободные от строгой царской власти.
И жили праведно в последней ссылке.
И с каждым смертным – добрый разговор.
И голос тот, святой и сильный,
В колоколах тобольских слышен до сих пор.

«Тюменский край»

Охотники ходили по тайге.
Здесь был Ермак,

Он покорил Сибирь.
 Старатели сплавлялись по реке.
 Здесь в Абалаке вырос монастырь.
 Кандальников ссылали, каторжан,
 Вели глухим и долгим бездорожьем.
 Далекий край не позабыл Господь –
 И засветился в людях образ Божий...
 Край Менделеева, Ершова, Муравленко,
 Ты стал опорой родины моей.
 Люблю до самой малой деревеньки
 Сибирь, что нет красивей и родней.

Антушев Алексей, 10 лет – 2 место

Мой Падун

Весна. Апрель. Ручьи. Капель.
 И в небе стая журавлей.
 Детсад, мой двор и дом, где ждут
 Тепло, спокойствие, уют.

Наш пруд, рыбалка, речка Ук.
 Леса, богатства в нём растут.
 Берёзы, клёны, сосны, ели,
 Летом-цветы, зимой-метели.

Нет на земле местечка краше!
 Падун-село родное наше!
 И пусть Падун наш не коснётся
 Война, волна не доберётся.

Мне всех дороже Падун мой.
 Здесь дом, здесь мама, здесь покой!
 Здесь школа, здесь мои друзья,
 Здесь моя Родина, здесь Я!

Чикунова Анна, 12 лет – 3 место

Шёл снег

Шёл снег, а я шла на учёбу
 Он тихо шёл, неторопясь...
 Снежинки в воздухе кружились
 На землю ровненько ложась...
 Зима стелила покрывало,
 Она пыталась спрятать грязь,
 Как всё продуманно в природе,
 А человек чист лишь родясь.
 Потом с годами обрастает

Осенней грязью, чернотой
 И нет пока такого средства,
 Чтоб вмиг очиститься душой!
 Шёл снег, он шёл неторопливо
 На землю ровненько ложась,
 А я бежала на учёбу
 Снежинки втаптывая в грязь...

***

Шла я вечером по улице домой,
 Соловей свистел над самой головой:
 «Ты постой, не торопись, побудь со мной!
 Ты послушай, как я славлю край родной!»
 Пел он так, не замолкая ни на миг.
 Пересвистывал он лай собак и крик...
 Его песня была слишком хороша.
 Пел он так, что даже плакала душа.

Фельднер Анастасия, 14 лет – 1 место

Мне уснуть бы под тёплым снегом

Мне уснуть бы под тёплым снегом,
 И укрыться им с головой.
 Разбудите меня рано летом,
 Когда ели запахнут смолой.

Соловьи запоют со скворцами,
 Будет звонкий и жаркий дуэт.
 Вот тогда я проснусь подо мхами,
 А пока буду снегом согрет.

Мне подснежник подушку заменит,
 Колыбельной станет метель.
 Разбудите меня, когда сменят
 Облака черноту на пастель.

Разбудите меня на рассвете,
 Когда в мире закончится вьюга.
 Пусть просплю хоть четыре столетья,
 Укутанным в снег, как в кольчугу.

Сны цветные про небо и море
 Прoberутся ко мне и залечат,
 Как в токкате у Баха в миноре
 Навсегда, надолго, навечно...

Разбудите меня рано летом,
 Когда вместо машин и рельсов
 Разливаются тени рассвета
 На пятьсот километров леса.

Самолёт, улетающий в небо.

Самолёт, улетающий в небо.
Под пятый этюд Шопена.
Смотреть на крошечный город.
И знать, что вернусь не скоро.

А дальше по рельсам трамвайным.
Спрятав в рюкзак свои тайны,
И в лёгкой зелёной ветровке,
Всё ехать без остановки.

Сбегать от проблем за небо,
Под пятый этюд Шопена.
Пить кофе без кофеина.
Заесть этот вкус мандарином.

Звонок отключить в телефоне.
Оставить его на перроне.
Уйти в океан за остров.
И воздух ловить на дёснах.

Плыть и смотреть на воду.
От рыб неровность разводов.
На солнца оранжевый свет.
И жалеть, что тебя рядом нет.

Ахметов Станислав, 13 лет – 2 место

***

Я с раннего детства о чуде мечтал,
Знал – диво священное есть на Земле.
Я с самого детства увидеть желал,
Чему объяснения хранятся во мгле.
Как скатерть сама накрывает на стол,
Бегут сапоги вслед за солнца лучом,
Спасенный колдун возвращает мне дом...
Мечтал завладеть колдовским я ключом.
На свете есть чудо, волшебное чудо.
Хотел волшебства для себя самого,
На свете есть диво. Понять то нетрудно:
Достаточно просто поверить в него.

Человек в открытом космосе (Алексею Архиповичу Леонову)

В Москве мороз с сердец спадает,
Уходит следом за зимой.
Весна в России наступает,
Любовь с царицей молодой

Беседует. И добротой,
 Улыбкой обе топят снег.
 Вверху – событие большое,
 Там в космос вышел человек.
 Он восхищенно любовался
 Пространством в цвет загадок всех,
 Махал земле и улыбался –
 То запись новая среди вех.
 Он был одним из миллионов,
 Крепкий русский наш «Алмаз».
 Боялся Алексей Леонов –
 Ведь делал это в первый раз.
 «Все были лишними сомненья!» -
 Сказал он, как зашел извне.
 Поставил флаг в воображенье,
 Прибавил славы он стране.

Бал в Физико-математической школе

Осень. Листья золотые.
 На девицах платья белы,
 Чинно выглядят и смело
 Кавалеры молодые.
 Вот и музыка играет.
 Подготовленные к балу,
 Входят плавно пары в залу,
 Где родители встречают.
 Как кружатся листья в осень,
 Математики танцуют.
 Музыкальный ветер дует,
 Осень станцевать нас просит.

***

Солнце краску положило
 Летнюю в листья осенних,
 А затем оно простилось
 И ушло д дней весенних.
 Деве-осень наказало:
 -Гамму теплую не трогай,
 Чтобы листья согревали
 Не дошедших до порога!
 Только солнышко не знало:
 Осень зло ее обманет –
 Нет листов, что согревали,
 Со снегами все увянут.
 Раз за разом совершает
 С листьями обман холодный
 Осень. Солнышко ее прощает

Каждый раз, когда приходит.

Валиуллин Эмиль, 14 лет – 3 место

Судьба людей в судьбе природы

Судьба людей в судьбе природы,
 В ней беды, счастье и невзгоды,
 Рождение, смерть и снова жизнь,
 И ход времён сквозь толщу призм.
 Как сложны судьбы человека!
 Всё интересней век от века:
 Ведь жизнь – огромный теплоход,
 Он в неизвестность нас везёт.
 Бывают скалы на пути,
 Течения сложные пройти,
 И страх, что сядешь ты на мель,
 Иль потеряешь где-то цель –
 Всё может быть у корабля,
 Но впереди всегда Земля!

МАМА

Есть в мире ласковое слово,
 В нем очень много доброты.
 Любить её беспрекословно
 Обязан он, и я, и ты.
 Мама - лучший в мире человек,
 Она тебя не бросит.
 Запомни ты ее навек,
 Всегда поддержит, о проблемах спросит.
 Ведь мама – продолжитель рода,
 И без нее мы никуда!
 За маму грудью встану твердо,
 Чтоб не настигла мать беда.
 Есть в мире ласковое слово,
 И это слово – мать!
 Любить ее беспрекословно!
 И грудью за нее стоять!

Поэма о Герое Советского Союза Мусе Джалиле

Я родился

В бескрайних степях Оренбуржья,
 В февральскую белую ночь,
 Когда заклинания стужи
 Природе уж не превозмочь,
 Я знал, что явлюсь и согрею
 Холодную землю степей,

Бураны и вьюги развею, -
Пусть в сердце поёт соловей!

Мои учителя

Учителя, учите меня жить,
И петь о жизни и любви учите,
И тяготы преодолевать учите,
И шаг вперёд, пусть самый он мучительный,
Чтоб слабость собственную покорить.
Учите меня жить, учителя,
Чтоб каждый миг с огромной благодарностью
И с мыслью, что всё прожито не зря,
Был озарён простой земною радостью.

Война

Повестку принесли в мой дом,
Ну что ж, пора и мне
С фашистом биться напролом,
Свободу дать стране.
Нас миллионы, тех солдат,
Кто думал каждый час,
Что нет нигде таких преград,
И если надо жизнь отдать,
То он её отдаст!
Прощай, любимая жена
И дочь моя, Чулпан,
Я к вам вернусь, когда весна
Наденет свой наряд,
Когда прекрасней, чем тюльпан,
Весной проснётся сад!

Я вернулся!

Нет, это не сон, это страшный плен,
И логово зверя-фашиста!
Бараки, холод кровавых стен,
А мне только б выстоять, выстоять!
Руки тянутся к карандашу –
Писать всю правду о звере,
Я мысли, как камни в сердце ношу,
Поверят ли мне? Поверят!
Как больно в спине – это крылья растут,
Взлететь над страхом и болью,
Я слышу, как степи родные зовут –
Душа обливается кровью...
Я сделал, что мог,
Чтоб звериный оскал
Над небом моим не глумился,

Я сделал, что мог,
 Я стал крепче скал
 И Памятью возвратился!

Плесовских Софья, 9 лет – 1 место

Мой город Тюмень

Есть такой город на карте – Тюмень,
 Зеленый, богатый, красивый.
 Не устаю повторять каждый день:
 «Нет его лучше в России!»

Я говорю, что единственный он
 В стужу, жару иль метели,
 Слышу лесов и садов перезвон,
 Все здесь люблю и лелею!

И моя родина – город Тюмень,
 Зеленый, богатый, красивый.
 А мне улыбается радостный день,
 Ведь город мой самый счастливый!

Шмытов Даниил, 17 лет – 2 место

Куст ромашек

У продрогшего хилого домика,
 Между двух облысевших берёз,
 На зелёном маленьком холмике
 Куст ромашек под окнами рос.

Здесь мгновения юности помнятся
 И весёлые крики детей.
 Все бегут босиком за околицу,
 Не заметив в овраге репей.

Сколько лет уж прошло – и не вспомнится...
 И теперь с сединой прошлых дней
 Из окна всё глядит на околицу
 Пара добрых, усталых очей.

Дома тихо, лишь ходики тикают,
 Только мысли шумят в голове.
 И, привстав на ногу пробитую,
 Вновь на снимок глядит на стене.

Взор суровый, усы, как смоль, чёрные.
Из далёкой войны, как сейчас,
Всплыли образы: горы высокие,
Весь Афган, смерть, и ужас, и страх.

Бой и взрывы, стрельба пулемётная,
Вертолётные шумы в ушах.
Сквозь огонь вдруг мольба мимолётная:
«Пацаны, помолитесь за нас!»

И теперь, удивляясь, как выжили
В этой буре свинца и огня,
Когда в жизни всё гладко по-прежнему,
Можно думать, что это не зря.

И всё так же около холмика,
Между двух облысевших берёз,
У продрогшего хилого домика
Куст ромашек под окнами рос.

Ночь

По крышам расползлась, по тротуарам,
Нам подаривши временный покой,
Луна на небе, как изгой,
Торжествовала, укрывая даром.

Такая тишь, душевный трепет,
Что страшно вдох произвести,
Лишь слышишь на своём пути
Далёких звезд тишайший лепет.
И даже ветер вдруг притих,
Боясь планету потревожить,
Или уснул давно, быть может,
На трудном ветреном пути.

Весна

Уже теплей и ярче солнце,
И ветер свежестью питает.
Природе уж пора проснуться,
Любви период наступает.

Всё начинается сначала,
Пройдя всех трудностей посты.
А впереди чудес немало,
И воплощенья в жизнь мечты.

Растают жёсткие оковы,
Раздастся щебет соловья.
И с трепетом простым и новым
В любви мы познаём себя.

***

До глубины души волнует вдохновенье,
Когда под свежестью утра один стоишь,
Как трель для сердца и души веселье
Песнь соловья, как трепетная тишь.

И не спугнуть певца – талант особый,
С природой здесь сплочение нужно.
Ты докажи, что в мире ты весомый,
Всё сделав так, как это и должно.

Пройдёшь вперёд, и ранний вид откроется:
Сосновый бор и луг большой в росе.
Ну а когда уж воздухом умоешься,
Сильнее тянет красота к себе.

Как разбежишься по цветной поляне,
Упав, в объятья землю заключишь,
Не думая о том, что дальше станет,
Наедине с природой помолчишь.

По небосклону, будто пухом белым,
Так важно проплывают облака.
А на опушке громким звуком смелым
Слышна работа дятла-чудака.

И будто бы от нежных поцелуев,
На губах останется роса.
А ранний ветер свежестью подует,
Приоткрывая сонные глаза.

Но так не хочется будить живое счастье,
И всё так же трепетно стоишь.
У природы находясь во власти,
Не решаясь шагом рушить тишь.

***

Свет фонаря виднеется в разрезе ночи,
И лунный взгляд врывается в окно.
Шум города остался в прошлом. Впрочем,
Ты так же в заточенье всё равно.

Мечтаешь убежать от шума улиц,
Простившись с красотой ночных огней,
Оставив за спиной волну бессонниц
И толпы осуждающих речей.

Конечно, это можно и реально,
Возможно, наконец душа и отдохнёт.
И паутинами запутанная тайна
Своё начало в мире всё ж найдёт.

А глубоко терзающие мысли
Ты можешь разделить с ночной мглой,
Поплакаться луне о горькой жизни,
Побыть вдали от суеты собой.

И, наконец, развернутое небо,
Окрашенное тысячами звезд,
Тебе воздаст заслуженные требы,
И ты поймёшь, как сложен мир и прост.

Казаков Иван, 16 лет – 3 место

Натюрморт

1.

По комнате бродя, остановись,
взгляни на её вид через отраженье.
Возьми затем бумаги чистый лист,
срисуй её и в плод воображенья
рисунком преврати. Карандаши
составь хотя бы в радужном порядке.
А после - замолчи. И не дыши.
И шум услышишь, будто при посадке
на землю самолёта. Этот шум -
всё так же в голове твоей. И гром, как
помеха, замолчит, и дождь, что хлещет,
затихнет. Развернёт свой парашют
и станет говорить не очень громко.
Безмолвнее, чем даже сами вещи.

2.

...а суть вещей ведь в том, чтоб показать,
как мы все одиноки. Даже если
есть рядом что-нибудь, хотя б кровать,
хотя б одежда, скомканная в кресле,
хотя бы окна, может, кто-нибудь
пройдёт за ними и понять поможет,
что ты тут не одна. Наполнит грудь
холодный воздух, и тебя встревожит

погода. Ты, не веря в их слова,
не веря расписаниям, прогнозам,
оденешься, построишь баррикаду
из книг, альбомов, выдвинешь кровать,
закроешь окна, чтоб не выли грозы.
И те же вещи будут с тобой рядом.

3.

А ты ведь знаешь, что, захлопнув дверь,
сама себя от них лишь только спрячешь,
разделишь ты себя в детали две:
сидящее у батарей горячих -
то тело, ну а где твоя душа -
тебе решать. Пусть в зале она блещет,
смотря там телевизор. Ни на шаг
не пустят ещё ближе к телу вещи
её. Она останется стоять,
заполнит опустевший в стенах вырез,
к такому окружению привыкнет
и будет только лишь существовать
в бездыханном и полном грусти мире,
где ни людей, ни времени, ни книг нет.

Лист

Постепенно "завтра" превращается в "сегодня",
чтобы стать "вчера" и забыться строкой
неинтересной книги. Листаешь страниц сотни,
неторопливо, раздражённо, уставшей рукой.

Да не станет за труд раздобыть из этого
память о будущем, что совсем не за горами -
узнаёшь из последнего луча рассветного
об утре, о солнце, что лениво над нами

катится поездом из окраины в центр
и из центра - в окраины. А может, как автобус,
на который постоянно повышают цену.
Не воспринимай не одну печальную новость

болезненно - хуже не станет. Надо наоборот.
Проходят года, но когда что-то изменится,
нас уже не будет. Будут другие. Так вот.
Мне самому с трудом во что-нибудь верится.

Прямые расходятся, чтобы вновь сойтись,
но в другой геометрии, где им есть, о чём
поговорить. Так заполняется чистый лист.
Старые сгорают. Грустно, но переживём.

Короткова Светлана, 9 лет – Специальный диплом «за освоение сложного поэтического жанра Акrostих»

Акrostих

Подруга милая моя,
 Однажды шли мы: ты да я
 Дорогою прямою,
 Ритуля шла со мною.
 У Риты карие глаза,
 Горят в них чудо-чудеса,
 Ах, это просто небеса!
 Ритуля, Рита-Маргарита,
 Идёшь ты, будто сеньорита,
 Ты лучшая моя подруга,
 А без тебя нам будет туго!

Петушок

У меня есть петушок,
 Он не низок, не высок,
 Он чернее ночи,
 Он хороший очень,
 Он один такой на свете,
 И поёт он на рассвете,
 Он поёт всегда красиво
 И клюётся так игриво.
 Иногда он вдруг бормочет,
 Что бормочет, не пойму!
 А вот радужная фея
 Хвост окрасила ему!

Сибирские мамонты

Когда-то много лет назад
 Ходили мамонты большие
 Вперёд-назад, вперёд-назад
 По нашей по Сибирской шири.
 За ними мелких мамонтят,
 Огромных маленьких ребят,
 И мамонтихи тут же шли,
 Ища траву во льдах земли.
 Но не было травы во льдах,
 А был лишь холод, голод, страх,
 И мамонтов настигла смерть –
 Во льдах Сибири умереть.
 Но мы, друзья их не забудем –
 Встречать мы их в музее будем!

Бим, Чёрное Ухо

Он не умеет кушать ещё,
 Он породой дворняга,
 Он простая собака,
 Он милый, хороший,
 Весёлый, пригожий.
 Пушистые лапки
 Совсем не царапки,
 Маленький хвостик колечком,
 Свернулся щенок под крылечком.
 Я буду любить тебя, Бимка,
 Чёрно-белая,
 Мягкая спинка!

Я и моя осень

Осенью такой чудесный воздух,
 А в небесах вздыхают звёзды.
 И вот туман поднялся к небу,
 А в глубине души моей
 Поднялся ветер из полей.
 Несутся золотые листья,
 Раскрасили их краской кисти,
 А из небес полились лужи,
 И ветер волнами их кружит.
 Звезда качается в заре.
 Стояла осень на дворе...

Песня про котёнка

На заправке мама-кошка
 Родила своих котят,
 Но котята захотели
 Жить у маленьких ребят.
 И один котёнок слабый
 Подбежал ко мне скорей,
 Он тихонько промяукал,
 Попросил меня: «Согрей!».
 Принесли домой бедняжку,
 Напоили молоком,
 И запрыгал мой котёнок,
 И забегал он бегом!

Желудков Артем, 7 лет – Специальный диплом «за дебют в конкурсе»

Проба пера...

Солнце светит ярко,
 На улице ребятня.

Ох, как сегодня жарко,
Опять пришла весна.

*****

Снег лежит на улицах,
Но видна земля.
Ах, как хочется еще
На санках прокатиться.

*****

Зачирикал воробей у моего окна.
Не мани воробей на улицу меня.
Завтра в школу мне опять,
Ведь уроки надо знать.

*****

Вот бежит ручей в ограде
И волною машет мне.
Мой кораблик убегает
С ручейком наедине.

*****

Смотри-ка, мама,
лебеди в линеечку летят.
И машут крыльями белыми
нам с мамой опять.

Катанаева Дарья, 18 лет – Специальный диплом «за оригинальное поэтическое осмысление темы любви»

коллекционер твоих улыбок,
твоих глаз личный фотограф.
тащусь огромной ненужной глыбой
в твоей душе. я ее безумный географ.
мои руки без твоих прикосновений чахнут.
я одна большая проблема, а не женщина.
что-то безумно болит в районе четвёртой чакры,
и я вижу как по моей груди идёт трещина.
во-первых, я болею. люблю тебя- во-вторых.
прости, но с самых наших высот
я падаю в эти чёртовы тартарары
и в полёте вижу
только
твоё
лицо

заварю тебе любовь в кружку,
подуй, а то получишь ожог десны.
я отдам тебе мою подушку,
а утром расскажешь мне свои сны.
твои руки - мой
дом.
изнутри закрываю дверку.
ты стал моим укрывающим от обид потолком,
а я твой чёртик из
табакерки.
играем в улыбки-
я прячу лицо,
меня замкнёт и я снова упаду на твои мысли.
ты слаще самых сладких
леденцов,
я потерялась в наших днях (и ненавижу числа)
но
я в этих играх-
фотограф-любитель.
пожалуйста, подальше и крепче храни меня.
говорят, искусству нужен
зритель?
хорошо.
я смотрю.
смотрю
на
тебя

я теряла себя также, как постоянно теряют зажигалки.
если буду жить в твоём кармане, обещаю часто меня находить.
я выращиваю на подоконнике танцы, грусть и фиалки.
ты в этом лабиринте та самая Ариадны нить.
я боюсь без поддержки не дожить до весны.
если я превращусь в напиток- пей меня из бокала,
а пока ты спишь, я рисую
для
тебя
сны.
знаешь, мне кажется, я несколько
жизней
тебя
искала

на нас косятся эти
«знающие»
арбитры.

берём их взгляды в плен, они наши
заложники.
откуда взялся ты?
из какой палитры
какого
сумасшедшего
художника?
мой самый любимый, самый
жданый.
если моя душа-дартс, ты взял все призы в этом тире.
собирай вещи, пакуй чемоданы,
ты завоевал всех демонов в каждом моем неподвластном
мире.
береги моих демонов, давай хорошее воспитание.
они часто нервничают и бьют посуду.
корми их каждый день строго по
расписанию,
запомни, твой голос- их
любимое
блюдо.

разбирай меня,
убери из головы механизма мешающий клапан,
мои мысли сидели там испуганные взаперти.
приюти меня,
как бездомную собаку,
мою нежность и боль
приюти.
поделись лаской с моими глазами и кровью.
свои чувства мешаю и выливаю из колбы,
я пропиталась к тебе любовью,
попробуй, пожалуйста,
попробуй.
моим демонам с тобой комфортно и
горячо.
заряжай меня нежностью и вдохновением.
я закрываю глаза и глажусь о твоё плечо,
ты пахнешь искренностью
и откровением.
следы твоего парфюма живут в моей квартире,
и мои акценты были вечными скитальцами.
но теперь
вся
нежность
моего
мира
прячется

в твоих
худых
длинных
пальцах.

P.S. начало строк, строчные буквы – требование автора.

Номинация «Школьное сочинение»

Фаткулова Анжела, 12 лет – 1 место

Будь солнцем!

*Витаю вечно в облаках,
На землю изредка спускаюсь...
Е.Архипова-Поддубная*

1 сентября 2014 года – незабываемый день. День, когда я в первый раз переступила порог класса, когда познакомилась со школой и с первым учителем. Мой первый учитель, самый любимый и дорогой – Елена Николаевна! Она мой друг, всегда понимающий и во всем поддерживающий, которая дарит крылья, которая подает руку, когда упадешь.

Самое удивительное – она не просто учитель, она поэт! Для меня это было чудом! Как, в нашей обычной школе, и вдруг поэт? Она показала свой особый, другой мир в своих стихотворениях. Каждый урок Елена Николаевна превращала в творчество, учила нас видеть в обычном необычное, учила мечтать, радоваться жизни и верить в себя.

Елена Николаевна Архипова-Поддубная родилась в 1969 году в поселке Винзили Тюменской области. В 11 лет она осталась без родителей, жила в семье родственников, где большое влияние на её воспитание и становление оказала бабушка Акулина.

Елена Николаевна много лет прожила на севере Тюменской области в городе Покачи. Создавала команды КВН, авторские телепроекты, городские мероприятия. В 2009 году стала работать в газете «Покачевский вестник». В 2010-м стала победителем окружного конкурса журналистских работ «Перо стерха» и была принята в Союз журналистов России (Ханты-Мансийское отделение).

В этом суровом климате, где низкое северное небо, где бывают редкие солнечные весенние и летние дни и начала писать стихи Елена Николаевна. В её стихах вся её жизнь, все горечи и радости, все слезы отчаяния и счастья. В них отражен весь её жизненный опыт.

Отрывок из стихотворения особенно мной любимого, в котором так виден урок доброты и грусти.

Мой светлый ангел – баба Акулина.
Веснушки на натруженных руках,
Да утром на столе стакан с малиной,
Наряд посмертный в белых узелках.
Вхожу я в нашу тихую светлицу –
Под печкой кошка дремлет на дровах.
По вечерам, когда двоим не спится,
Тетрадка с ровным почерком в руках... (Баба Акулина, 2012)

А в этом отрывке совсем другие чувства:

Давайте помечтаем о России
 По - русски: милосердно, широко.
 О нашей ясноглазой, светло-синей, Где дышится свободно и легко.
 России, где мечети, синагоги
 И церкви под знаменем одним.
 России - без опала и тревоги,
 Где вера разная, а Бог для всех един... (Давайте помечтаем о России, 2012)

В 2013 году Елена Николаевна оставила север, вернулась в Тюмень. В Тюмени написала сценарии к документальным фильмам «Последний май Александра Аржиловского» и «Музы не молчат», снятого на ГТРК «Регион-Тюмень» режиссёром Верой Фёдоровой и оператором Сергеем Лыкасовым. На одном из кинофестивалей в Санкт-Петербурге фильм «Музы не молчат» про нашего ММСовского незрячего земляка-музыканта получил приз зрительских симпатий. Успевала публиковать стихи в газете «Тюменская область сегодня».

И вернулась к своей основной профессии - перешла на работу в школу, где с большим удовольствием проводила школьные праздники, стала моим первым учителем.

Елена Архипова-Поддубная только планирует издать книгу стихов. Пока ее поэзия для читателя существует в Интернете на сайте Стихи.ру, и библиотекари придумали для нее жанр — сетевая поэзия.

Мне повезло, что я начала свою школьную жизнь с настоящим поэтом, которая делилась с нами теплом своей души, своей внутренней гармонией, которая была для нас неравнодушным и сострадающим человеком, постигающим жизнь и рассказывающий об этом в своих стихах.

Завершить сочинение я бы хотела отрывком из яркого и жизнеутверждающего стихотворения «Будь солнцем!»

Даже если уже ничего не можешь,
 Будь солнцем, свети... ну кому-нибудь!
 Даже если уже ничего не хочешь,
 Просто будь.
 Даже если давно не зовут дороги
 В далекий путь,
 Даже если на сердце одни тревоги -
 Пожалуйста, будь!.. (Будь солнцем!, 2012)

Атдинов Марсель, 9 лет – 2 место

Школьное сочинение

Еще ни одна из прочитанных мною книг не увлекала меня больше, чем произведения тюменского писателя Станислава Владимировича Мальцева. Читая его сборники, я погружаюсь в атмосферу его рассказов! Чем же меня привлекает творчество этого писателя?

По рассказам Станислава Мальцева видно, что он добрый, честный, внимательный и умный человек. И такой же характер у главного героя известной детской сказки «Зайка Петя и его друзья». Живет зайка Петя в маленьком домике под большой ёлкой с мамой и папой. И случаются с ним разные истории и приключения. Все они рассказывают о дружбе и взаимопомощи зайки Пети и лесных обитателей: воронёнка Бори, Мишки-медведишки и Пуфика. Друзья играют, веселятся, ловят рыбу и защищают друг друга от неприятелей - Лиски-Лариски и кота Васьки. А ведь в самом начале у зайки Пети не было друзей и только благодаря смелым и добрым поступкам у нашего героя появились

верные друзья. Например, вороненка Борю зайка Петя спас от злого кота, Мишку-медведишку вытащил из ямы, а Пуфика отбил от хитрой лисы, которая чуть его не съела. Но друзья настолько воспитаны и добры, что помогают даже тем, кто невежлив и груб. Это мы видим из рассказов о спасении Лиски-Лариски из клетки зоопарка и освобождении кота Васьки из глубокой ямы.

Сказки Станислава Владимировича учат добру, справедливости и дружбе. Именно поэтому я так люблю творчество этого детского писателя! Его произведения читать легко и интересно. Советую всем ребятам обратить внимание на известный сборник книг «Все приключения Зайки Пети и его друзей» и непременно прочитать его!

Драганчук Константин, 9 лет – 3 место

Творческое наследие С.В. Мальцева

Мой любимый писатель Станислав Владимирович Мальцев. Он родился 18 июля 1929 года в городе Свердловске. Родители его погибли, воспитывался в семье дяди – Федора Александровича Мальцева, машиниста Свердловской железной дороги. Станислав Владимирович в 1948 году окончил десять классов дневной средней школы. Это было очень трудное время не только для всей страны, но и для каждой семьи. Редко кому удавалось получить даже 7-летнее образование. Затем Мальцев закончил факультет журналистики Уральского университета.

Большую часть жизни, с 1957 года, Станислав Мальцев прожил в Тюмени. Лучшие его произведения написаны здесь. Поэтому мы считаем его тюменским писателем. Он прозаик, драматург, журналист, член Союза Писателей России с 1985 года.

У Мальцева — удивительная писательская судьба. Известность и признание он получил как детский писатель. Но его книжки знают и любят не только дети, но и взрослые. Среди книг, полюбившихся юным читателям повести, рассказы, сказки: «Тайна голубой пещеры», «Приключения двух друзей», «Кузя Щучкин — рыжий нос», «Мы с Митяем» и другие. Но, особенно, мне нравятся сказки «Про зайку Петю».

Сборник сказок «Про зайку Петю» появился в 1959 году. Мальцев написал его для своей маленькой дочки. Сегодня этой книге уже 60 лет, но она не утратила своей популярности. Сказки про пушистого, ушастого зверька и его друзей были очень востребованы, многократно переиздавались в 1965, 1979, 1988, 2001, 2008 и 2009 годах большими тиражами. Книга была отмечена литературной премией имени П. Ершова.

Постепенно сборник пополнялся новыми сказками, так появились «Новые приключения Зайки Пети», «Новые друзья Зайки Пети», «Все приключения Зайки Пети...», «Приключения Зайки Пети и его друзей». Все эти сказки просто волшебные. Я считаю, что книга «Про зайку Петю» должна быть в каждой семье, где есть маленькие дети.

Эти книги о приключениях зайки Пети и его друзей, о торжестве добра и справедливости в результате взаимовыручки и большой дружбы лесных обитателей. В них много поучительных историй, которые играючи объясняют, что такое дружба, что такое хорошо и что такое плохо. Среди друзей зайки Пети Мишка-медвежуха, вороненок Боря, котенок Пуфик, есть и недруги – Лиска-Лариска и кот Васька.

Особенно мне запомнилась история «Как зайка Петя морковку караулил». В ней описана дружная семья зайцев. В непринужденной форме она учит меня помогать взрослым, трудолюбию, храбрости, необходимости защищать свою семью.

Сказка «Как зайка Петя вороненка Борю спас» напомнила мне, что надо помогать малышам, защищать их, при необходимости звать на помощь взрослых.

Сказка «Как зайка Петя с Мишкой-Медвежухой познакомился» учит тому, что для достижения цели нужны смекалка, ловкость, сила. С риском для жизни зайка Петя вытащил медвежонка из глубокой ямы.

Перечень можно продолжать. Все сказки нас чему-то учат. Читая книгу, я задумываюсь, как автор правдиво описал всех жителей этого леса, их внешний вид, характер, повадки? Складывается впечатление, что я и сам большой друг зайки Пети, живу в том чудесном лесу, что я непосредственный участник всех приключений. Книгу хочется читать и перечитывать.

Все отношения между зверюшками можно спокойно перенести на отношения между людьми. В этом я сравниваю С. Мальцева с такими известными писателями как И.А. Крылов, К.И. Чуковский.

Это моя любимая книжка. Это моя первая книжка, которую я читал сам. Я благодарен моей первой учительнице за то, что она познакомила нас с этими сказками. Я начинал читать ее по слогам, перечитывал, рассказывал, рисовал. Можно сказать, что по ней я научился хорошо читать. Когда я читаю «Про зайку Петю», нахожу ответы на многие мои вопросы и чувствую увереннее себя в жизни.

Бондарев Евгений, 14 лет – 1 место

Крапивинские мальчишки

Я с детства любил читать. Особенно нравились мне книги о путешествиях. У родителей была большая библиотека, и в первом или втором классе я уже отбивался от «белых волков» вместе с вождем индейцев, плыл с Диком Сэндом на «Пилигриме», замирал от ужаса, когда по прериям мчался всадник без головы. Любимыми авторами были, конечно, Жюль Верн, Майн Рид и Джек Лондон.

Но были у меня и другие любимые книги – потрепанные томики Владислава Крапивина, оставшиеся от детства моей мамы. Они не о путешествиях и бесстрашных героях, а о таких же мальчишках, как я, лишь мечтавших о дальних морях и городах. Герои этих книг умели видеть сказочное в обыденном, дружили крепко, как мушкетеры, и даже старый ковер в их фантазиях превращался в ковер-самолет.

Когда я порос, то понял, что таких ребят теперь нет. Наверное, они остались там, в детстве моей мамы, вместе с зачитанными книжками в потрепанных переплетах. Сверстники больше увлекались компьютерными играми, и не знали, что такое «каравелла».

Переезд из небольшого северного города в Тюмень я воспринял с радостью. Наверное, так ждал встречи с новым городом Славка Семибратов, герой повести Крапивина «Трое с площади Карронад», мечтавший уехать из серого Усть-Каменска в Севастополь. Для меня Тюмень была ничуть не хуже Севастополя – ведь это был город, где родился и жил Владислав Крапивин. Его он описывал в своих повестях и романах. И образ города, с пыльными уютными улочками, огромными тополями, высокими голубятнями и худыми любопытными мальчишками, уже жил в моем воображении.

Конечно, все оказалось иначе. Тихие улицы, по которым бегал Слава Крапивин и его герои, давно застроили многоквартирными громадами. Тополя-великаны, если где еще и остались, вздымают к небу уродливо обрубленные ветви. Даже дом писателя на улице Герцена не сохранился.

И все равно узнавать крапивинские места было интересно. Вот Троицкий монастырь над изгибом Туры. Это же о нем, об этом месте, Крапивин писал в повести «Ковер-самолет»: «Мы шли на малой высоте – чуть выше проводов, обходя черные пихты и тонкие антенны телевизоров. Потом Витальке надоел бреющий полет, и он поднял ковер метров на сто. Заиграли под нами стаи огоньков среди темных крыш и деревьев, распахнулся на краю города светлый изгиб реки с черными, будто нарисованными, суденышками. Цветные огоньки на судах, казалось, живут отдельно, как случайно слетевшие туда звезды. А колокольня на фоне ясной воды и неба темнела, словно башня таинственного замка».

А вот на улице Ленина школа, в которую ходил Владислав Крапивин – старинное здание купеческого особняка возле Спасской церкви. Ее писатель вспоминал в повести «Тень каравеллы»: «Наша маленькая школа занимала старинный дом, в котором до революции жил какой-то купец. Мы учились на верхнем этаже, а нижний, полуподвальный, всегда пустовал. Осенью и весной его заливало, а зимой там было холодней, чем на улице». Тут, в подвале, герои нашли карту мира для своего парусника...

Жаль, конечно, что в Тюмени почти не осталось дворов с голубятнями. И многие мальчишки теперь словно застрявшие в Саргассовом море Интернета. Но жажда приключений в нас не умерла! Появляются туристические и поисковые отряды. Есть в Тюмени детский морской центр «Алый парус». Маленькие барабанщики снова встают в строй, открывают для себя мир.

Карта мира висела и у меня в комнате. И сейчас висит – только уже над кроватью моего младшего брата. Он еще не читал книг Владислава Крапивина, и я ему немного завидую – у братишки все впереди. Наш Сеня так похож на крапивинских героев – озорной, худенький, с вечно поцарапанными коленками. Кто знает, может, когда-нибудь он наденет морскую форму с нашивками и отправится в дальнее плавание. И будет вспоминать, что это большое приключение началось для него на страницах книг нашего земляка, вечного Командора Владислава Крапивина.

Кутрунов Владимир, 14 лет – 1 место

«Его творческий мир вмещал галактику».

Так сказал поэт Всеволод Бессараб о поэзии Александра Анатольевича Гришина. Они были знакомы двадцать пять лет. Оба из Донбасса. Земляк написал, что всегда восхищался Александром, его неподдельным интересом ко всему от философии до футбола.

Мягкую и корректную манеру разговора, умение слушать собеседника, огромную духовность видели многие, кто работал с Александром Анатольевичем.

Тюменский поэт Анатолий Васильев отмечал: «В жизни и в творчестве Гришина всё было «в соответствии с природой».

Это сердце не продавалось, а бесплатно друзьям раздавалось.

Не за медный пятак, а за души, за так.

Как легко было сердце то ранить,

оскорблять, унижать и тиранить и до боли сжимать.

И оно, неумное, сжалось.

Мы кричим: «Извини — это шалость».

И молчим — ведь оно разорвалось.

Заслуженный журналист Украины Борис Грибачевский высоко ценил все творения Саши Гришина и с болью в сердце сообщил: «Он ушёл из жизни на поэтическом взлёте, как птица «улетел осенней ночью поздней, уже не пряча крыльев за плечами».

А вот, что писал сам Александр Анатольевич о своём сердце и об инфаркте:

«Чу! Из глуби, ни валко, ни шатко,

во вселенную сверхскоростей

скачет сердце мое, как лошадка.

Добежит! Добежит до ручья,

где застыло стеклянное око,

*и увидит далеко-далеко,
даже дальше, чем думаю я...».*

Здесь творческая фантазия в зените: поэт любил мечтать и шутить беззлобно. А в стихотворении «Инфаркт» дана только правда. Это подтвердит любой человек, переживший сам этот страшный удар.

«...сердце проснулось.

Он спички нашарил впотьмах.

Дверь отшатнулась.

Он вышел и стал у порога.

Песня отхлынула, звёзды рассыпались в прах,

и, ко всему, из-под ног убежала дорога.

*«Не оставляйте меня, — прошептал. — Не оставляйте
меня...» И на большее сил не хватило.*

Вышли слова. И, немые, замкнулись уста.

«Не оставляйте меня...» тишину разбудило.

(Поздний прохожий замедлил шаги у плетня...).

Вечность спустя, он очнулся в больничной палате.

«Не оставляйте, прошу вас, меня на меня,

не оставляйте, пожалуйста, не оставляйте...»

В творчестве Гришина нет пустых стихов-однодневок, нет вопроса ради вопроса. Вот он спрашивает маму и сразу отвечает мудро и основательно. «Что ты плачешь, мама, над моей судьбой? Мама, разве мало быть самим собой посреди природы, Родины, родни?» Нет, совсем не мало. По мнению тюменского поэта Евгения Вдовенко, Гришин никогда не говорил пустых похвал, чужим не вторил голосам. Для этого нужна великая духовная сила.

Его «сила духа — подъёмная сила» помогала ему спорить, биться, воевать «за каждую русскую душу». Его «стих, простой и суховатый, словно посох, суковатый», мог нежно и трепетно поведать о маме, рассказывая о её старых поношенных туфлях. И этот же стих строго спросил, по мнению Грибачевского, «аморальную власть»:

«Что ж так благостно языком мели?

Идти некуда со своей земли.

Никакой тропы, никакого пути

ни в которую сторону — нетути.

Коли тут стоять — дак о том и речь,

чтоб не брать — хватать, а жалеть — беречь,

не парить — летать, сказки сказывать,

а прорехи латать, бездны связывать,

наводит порядок в душе и в миру:

корень — к веточке, и добро — к добру,

чтобы тихо небу могла сиять

красно украшенная Отчизна-мать»

«Тонкий лирик, пламенный боец» просит всей своей «заветной лирой» своих современников и потомков беречь такую хрупкую планету Земля.

«Надышавшись огнём и свинцом, отравившись безверьем, —

Повернёмся к деревьям лицом, повернёмся к деревьям.

Там сверкает листва от росы, в незабудках — опушки,

и считают года не стальные часы, а живые кукушки.

По живому водили резцом, по живому мотором.

Повернёмся к озёрам лицом, повернёмся к озёрам.

Там кувшинки качает волна, и в любое мгновенье

нам возможность послушать даёт тишина наше сердцебиенье»

«Он слышал, как растёт трава». Так назвал документальный фильм о поэте А.А.Гришине народный артист России, председатель Тюменского отделения Союза театральных деятелей Российской Федерации Владимир Орёл. И здесь я вижу поэта-патриота. Строчки стихотворения «Отшелестел листопад» не пустая красивая рифмовка. Это выстрадано, пережито и людям дано навсегда.

Душа великого поэта «...с тем, что стоит в холода честно и стойко, с тем, что со мной навсегда — с Родиной только».

Прав Всеволод Бессараб. Творчество Александра Анатольевича Гришина можно сравнить только с необъятной галактикой. Это может подтвердить, и рецензия на стихотворение «Я знал зажиточных людей» Лаврентьевой Нины. «Чистота сердца, скромность, мудрость, огромный талант Александра Гришина — это потрясает каждый раз, когда читаешь его стихи».

Вечно будет светить сердце нашего поэта в его «целомудренных строчках» всего творческого наследия: «Смотрите, живите достойно: потомки смотрят». Это просьба адресована не только поэтам.

Юлия Долгушина, 13 лет – 2 место

Недавно наш библиотекарь Иванова Олеся Алексеевна на мероприятии познакомила нас с писателями и поэтами Тюменской области. Больше всего библиотекарь говорила о биографии и творчестве поэта А.А.Гришина. Очень много было зачитано его стихов, стыдно сказать стихов, произведений, эти небольшие произведения затронули меня до глубины души. Вы только прочтите:

«Цветущие вишенки в отчем саду,

На гари давнешней ,на слабом меду»

Или:

«По осени, по влаге рыжей

На службу или в гастроном»

А это – «Луг, что ромашками цвел

Миг только краткий,

Как в учреждении стол-

Чистый и гладкий»

«..Голая роща стоит пред глазами»

После этих строк такая одолевает грусть, что не лето уже ,что лето еще пока так далеко, и еще долго не увидишь поле с ромашками.

Читая стихотворения А.А Гришина, начинаешь ценить все то, что ты имеешь и видишь: ромашки, луга, леса, соловьиные трели и простых людей:

«Стирает женщина белье...

О сколько писано поэтом

Про руки красные ее,

Светящиеся над корытом...»

«У дома брачного типа

Причалилась старая липа.

Смотри-ка, осталась цела

Все горести пережила....

У липы на черной скамейке

Сучит бесконечную нить

Старуха Наталья...

«Не смейте старуху Наталью будить!»

Бывает. А вы никогда не задумывались, кто этот человек живет на последней улице, что постоянно сидит на лавочке, или еле, еле несет воду по дороге, и почему он такой одинокий, беспомощный, неужели ему некому помочь, почему он один? И не захотелось ли вам ему помочь, или расспросить его обо всем? Произведения А.А.Гришина помогают нам задуматься, ценить людей, природу, быть гуманнее, человечнее, замечать те вещи, что на первый взгляд не заметны: старую липу, голую рощу, обломившуюся ветку, одинокую старушку.

Еще в его стихотворениях меня поразило, на сколько человек может так глубоко чувствовать природу, людей, как точно и красочно он может описать место, человека, время. И порой хочется оказаться в его произведениях, походить по лугам, по вишневым садам, познакомиться с его героями.

«Когда холодит ручей, а потом затихает

И стелется над равниной недвижный туман.

По свежему снегу горячий песец...»

Во многих его произведениях присутствует гипербола и олицетворение, благодаря этому его стихотворения словно врезаются в память их невозможно не заучить:

«Где ветер последней войны

Смиренные горы корежит,

Где стонут они, дрожат,

Охвачены смрадом и пеклом

Где птицы на пепле лежат,

А камни летают над пеплом»

Мне очень понравились произведения А.А.Гришина, они имеют глубокий смысл. Мне бы хотелось, чтобы и вы прочитали их.

Читайте стихотворения А.А.Гришина! Любите свой край, цените людей, почитайте родителей!

Разнотовская Валерия, 14 лет – 2 место

Обыкновенная жажда чуда

Любите ли вы стихи, как люблю их я? Умеете ли вы их читать? Чувствуете ли вы настроение поэта? Молчите ли вы хотя бы минуту после прочтения?

- Что за глупые вопросы? – скажете вы. Скажете и, наверное, будете правы. Любовь к стихам – это очень тайно, интимно, не для всех.

Каждый волен выбирать свою поэзию. Сейчас модно читать так называемые «компьютерные» стихи, малохудожественные, сложенные не по правилам, где «весна» рифмуется с «земля». Не страшно! Интернет всё стерпит! Зато какая глубина, какой простор для «выговора». Тебя бросил любимый, и ты тут же накропала «стихи», пропитанные слезами, смертельным одиночеством и ненавистью к сопернице. Я, признаюсь, тоже пишу стихи, но пока слабые и неотёсанные. Их можно назвать игрой в слова.

Поэтому...

Поэтому я всех начинающих поэтов прошу ЧИТАТЬ! Читать мастеров! Читать не только поэзию, но и прозу. Не только российскую, но и зарубежную. Читать КЛАССИКУ! Читать! И в океане классической литературы вы обязательно найдёте свою пристань, которая и будет вашей отправной точкой. Вы найдёте и лодку, и распустите парус, и поплывёте в прекрасные края.

Сегодня я пишу сочинение о поэзии. Это наслаждение! На уроках литературы мы, в основном, занимаемся скучным анализом по алгоритму, а тут свобода, воля и особый воздух творчества.

Сегодня я ещё раз перечитала пять моих любимых стихотворений. Пять прекрасных имён, пять славных поэтов подарили мне строки, после которых хочется несколько минут молчать.

Вот Александр Семёнович Кушнер и его тонкое стихотворение о нашем мире:

Звезда над кронами деревьев
Сгорит, чуть-чуть не долетев.

И ветер дует... Но не так,
Чтоб ели рухнули в овраг.

И ливень хлещет по лесам,
Но, просветлев, стихает сам.

Кто, кто так держит мир в узде,
Что может птенчик спать в гнезде?

Чувствуете, какая любовь к жизни в этих строках? Как тонко он учит нас понимать земные стихи. И другое, полное хорошего сарказма к человеку «нечитающему»:

Потому что больше никто не читает прозу,
Потому что наскучил вымысел: смысла нет
Представлять, как робеет герой, выбирая позу
Поскромней, потому что смущает его сюжет,
Потому что ещё Толстой в дневнике заметил,
Что постыло писать, как такой-то придвинул стул
И присел. Потому что с компьютером дружат дети,
И уныл за стеной телевизора мерный гул...

Помолчим. Здесь не хватает воздуха. А поэт Александр Гришин, напротив, даёт нам надежду: не всё так плохо, не совсем очерствел человек, поверьте.

Отняли воздух у стихотворенья...
Ни облако строки не замутит,
ни ласточка в нее не залетит,
ни ветра озорное дуновенье.

И все же, нет, торгаш не победит,
в конце концов, потерпит поражение.
Не экономика, а вдохновенье
с народом по душам поговорит.

И на пространство чистого листа
взойдет звезда, потом еще звезда,
потом еще одна - лишь дайте сроки!

Оттуда посмеются от души
над вашей тщетою, торгаши,
и в бездну, наконец, низринут строки.

Поэт дарит нам особый воздух, который не найдёшь ни в одной экологически чистой стороне. Этим воздухом не надышаться, его ищешь иногда подолгу, пока не находишь на какой-нибудь пожелтевшей страничке старого томика стихов.

Осипа Мандельштама я читаю редко. Тяжёлые строки камнем ложатся на сердце, ты читаешь его, терзая всю себя, пока не находишь:

В морозном воздухе растаял легкий дым,
И я, печальною свободой томим,
Хотел бы вознестись в холодном, тихом гимне,
Исчезнуть навсегда, но суждено идти мне...

Вот кто зовёт нас вперёд! Идите, не делая ленивых привалов, ведь в мире так много искушений, а мы, люди, слабы...

Я человек, и всё человеческое мне не чуждо. Я задаю вопросы и нахожу ответы. Помните, своё сочинение я начала с вопросов. Так вот, эти вопросы я задаю себе, а ответы...

Когда-нибудь я отыщу ответ.

Когда-нибудь мне станет цель ясна.
 Какая-нибудь сотая весна
 Откроет мне потусторонний свет,
 И я постигну смысл бытия,
 Сумев земную брэнность превозмочь.
 Пока же плечи мне укутывает ночь,
 Томительные шёпоты струя,
 И обвевая пряным ветром сны,
 И отвлекая от серьезных книг...
 И цели совершенно не ясны.
 И свет потусторонний не возник.

Это строки современной поэтессы Веры Полозковой. Ей всего тридцать три года. Я учусь у неё философски смотреть на мир, учусь правильно взрослеть, учусь отметать мелочный сор, вообще, смотреть на мир простыми, добрыми глазами.

Своё сочинение я завершу двумя стихами Арсения Тарковского. О, это великий человек! Как он чувствовал жизнь, как он завещал нам любить её до последней капли крови! Нет, не до последней! Что-то нужно оставить недопонятым, недораскрытым, чтобы идущие за поэтом разгадывали тайну человеческой жизни:

Мне бы только теперь до конца не раскрыться,
 Не раздать бы всего, что напела мне птица,
 Белый день наболтал, наморгала звезда,
 Намигала вода, накисло кислица,
 На прожиток оставить себе навсегда
 Крепкий шарик в крови, полный света и чуда,
 А уж если дороги не будет назад,
 Так втянуться в него, и не выйти оттуда...

А теперь о чуде поэзии. В 1946 году, уже после войны, которую Тарковский прошёл с самого начала и до конца, было им написано стихотворение-откровение. Многие начинающие поэты, в том числе и я, задают себе вопрос: где искать вдохновение, где оно прячется, в чём заключено чудное чудо поэзии, почему хочется иногда выговориться в стихах. А вот почему!

Порой по улице бредешь —
 Нахлынет вдруг невесть откуда
 И по спине пройдет, как дрожь,
 Бессмысленная жажда чуда.

Не то чтоб встал кентавр какой
 У магазина под часами,
 Не то чтоб на Серпуховской
 Открылось море с парусами,

Не то чтоб захотеть — и ввысь
 Кометой взвиться над Москвою,
 Иль хоть по улице пройти
 На полвершка над мостовою.

Когда комета не взвилась,
 И это назовешь удачей.
 Жаль: у пространств иная связь,
 И времена живут иначе.

На белом свете чуда нет,
 Есть только ожиданье чуда.
 На том и держится поэт,
 Что эта жажда ниоткуда.

Она ждала тебя сто лет,
 Под фонарем изнемогая...
 Ты ею дорожи, поэт.
 Она — твоя Серпуховская,

Твой город, и твоя земля,
 И невзлетевшая комета,
 И даже парус корабля,
 Сто лет как сгинувший со света.

Затем и на земле живем,
 Работаем и узнаем
 Друг друга по её приметам,
 Что ей придется стать стихом,
 Когда и ты рожден поэтом.

Читайте стихи, друзья! Что ещё сказать...

Хайбуллина Сати, 15 лет – 3 место

Что такое счастье?

Счастье... Можно бесконечно повторять это короткое, но столь ёмкое в понимании слово. У каждого человека счастье своё. Каждый сам волен находить для него смысл. Кто-то считает, что испытает счастье, лишь достигнув заветной и очень желаемой цели. Других счастьем питают простые жизненные моменты: восход солнца, тёплый дождь, объятия близкого. Так давайте и мы попробуем придать понятию «счастье» материальность.

Представим себе чёрную высокую коробку – жизнь. Она опущена на маленький стебель, пусть этим стеблем будет человек. Наверху коробки находится маленькое отверстие, через которое проходят лучи солнца. Солнце мы назовём счастьем.

В начале жизни стебелёк коробку часто поднимали, давая ему наслаждаться упоительными, сладкими, ласкающими лучами. В мире людей этот этап символизирует заботу матери о своём ребёнке и счастье, которое дитя испытывает.

На втором этапе ветви жизни расходятся. Одни стебли уже во взрослом состоянии также окружены неисчерпаемым счастьем. Но его могут лишить, отнять, закрыть навсегда коробку, запереть человека. Здесь нельзя не вспомнить восхитительное произведение Михаила Юрьевича Лермонтова «Мцыри». Оно повествует именно о закрытом от всех благ человеке. Столько лет юноша жил в духовном плену, не зная счастья! Столько лет ясное голубое небо над тёмными и высокими стенами монастыря давало ему надежду на то, что где-то там есть счастье! Столько лет свет дразнил и терзал несчастную душу, а всё потому, что он был лишь отражением счастья, лишь фотографией, а не настоящим видом, лишь миражом, а не настоящим оазисом.

Так настало время для третьего этапа. На нём решается судьба человека. Он может пасть, уронить свои листья в сырую землю, залить себя горячими слезами и сжечь ими душу и нутро, чтоб больше не стонали о потерянном счастье никогда! Или... Скопить последние крупички сил. Взглянуть на луч. И с сокрушительной силой броситься, ухватиться когтями и зубами за его пленительный свет. И вырваться из стен коробки к солнцу, к

счастью. Так и Мцыри не стал более терпеть гнёт нависшей тёмной тенью тюрьмы и вырвался из её плена. А выйдя на волю, стал жить и испытал счастье. И как несчастный человек он видел его во всём: в снегах далёких чудных гор, в журчанье хрустальных речек, облачках, летящих в лазурную даль.

Но счастье не длится вечно, и за него нужно платить. Цену ему мы можем осознать, если внимательно посмотрим на растение. Из отверстия коробки смотрит стебель, листья его зелены и напоены солнцем. Но стоит лишь поднять коробку, и мы увидим корни, выданные целиком из сырой чёрной земли.

В заключение можно сказать только одно: цветок погибнет, как и герой поэмы М.Лермонтова. Но умерли они, испытав истинное счастье. А разве не ради счастья нужно жить?

Степанова Виктория, 16 лет – 3 место

Весна

И вот она снова пришла. Яркая, цветущая, после зимне-осенних будней, требующая чего-то нового, каких-то изменений в жизни, всеми любимая весна. Как приятно ощущать себя в ее объятиях, чувствовать ее настроение. Она зовет за собой, манит и умеет это делать так, что сопротивляться ее стараниям нет абсолютно никакого желания. Наступает такое ощущение, что в нас еще с самого сотворения мира заложено стремление с приходом весны творить, изменять, экспериментировать. Весна пробуждает в душе каждого человека ребенка, и он становится по – детски игрив и наивен, даже вопреки своим желаниям.

Именно в это время года можно не пытаться скрывать свои чувства, так как весна распахивает душу, дарит прилив дополнительной энергии и колоссальное количество эмоций. Тем, у кого в душе еще зима, я советую поскорее отпустить ее и идти в одну ногу с весной. Она дарит всему человечеству цветущую при роду, яркое солнышко и просто хорошее настроение. А что касается душевного состояния, то весна может прийти в любую минуту. Поэтому остается пожелать, чтобы ко всем пришла долгожданная весна.

Курзенева Ксения, 12 лет – специальный диплом «за интересные размышления на тему «О жизни и поэтическом наследии Александра Гришина»

Школьное сочинение о жизни и поэтическом наследии Александра Гришина

Литература – один из величайших видов искусства. Она появилась еще задолго до нашей эры, но на Русь литература пришла только в 988 году, при принятии христианства. Для древнерусской литературы письменность тоже являлась одним из условий. И как сказал Адам Мицкевич: «Литература рождается из глубины народной души». Ведь действительно, огромное влияние на литературу оказал фольклор, передававшийся из уст в уста.

Александр Анатольевич Гришин – тюменский поэт. Стихи Гришина печатали журналы «Знамя», «Октябрь», «Урал», «Наш современник», «Сибирские огни». Эти журналы достаточно известны по всей России как сейчас, так и в то время. Гришин работал в газетах "Тюменская правда", "Наше время", редактором приложения "Проталинка" к газете "Тюменские известия". Я думаю, – это очень большие достижения для нашей области и нашего города.

На самом деле, не узнав об этом конкурсе, я бы никогда и не услышала об этом поэте, его стихотворениях, творчестве, биографии. Но когда я прочла несколько его

стихотворений, то некоторые строки заставили меня задуматься, поразмыслить. Например, строки из стихотворения «Я в буре поселил слова...». В них говорится:

А лучшие свои слова собрал
И без печали
Их вынес людям: «Это вам...» –
И люди замолчали.

Или строки из стихотворения «Я знал зажиточных людей» – «хоть деньги стоят то, что стоят, а бескорыстием нет цены...» Из всех его стихотворений больше всего мне нравится это:

На небо я смотрел,
звездой падающей любовался,
ловить пытался молнии, —
пострел,
я ничего на свете не боялся.

На небо я смотрю,
грозы разрываю, замирая, внемлю,
слежу звезды полет
и говорю:
«Боюсь всего, что падает на землю...»

Покуда белый свет
границами расколот,
проросший за ночь
след
распространяет холод...

Это стихотворение описывает ночь; падающие звезды; след, который распространяет холод. Произведение раскрывает душевное состояние писателя.

Александр Анатольевич писал лирику. Его лирика была любовной, гражданской, философской, пейзажной. Он писал обо всём, о чём только можно поразмыслить. За свою не самую долгую, но мудрую жизнь он написал целых 207 произведений. Я думаю, его произведения обязательно будут передаваться из поколения в поколение. «Миссия у поэта одна: одушевлять в буквальном смысле — дарить душу» – сказал Федерико Гарсиа Лорка. Вот и Гришин – дарил душу в своих произведениях. Этот человек внёс в литературу неотъемлемую часть себя, его стихотворения успокаивают, проникают внутрь.

В честь него названа библиотека в городе Тюмени, она гордо носит его имя. И лишь в этой библиотеке сохранены все до единого произведения Александра Алексеевича. Она хранит память об этом человеке, его душевных произведениях. В ней также собраны произведения и других тюменских поэтов.

Гришин был не великим поэтом, но он был гордостью Тюмени и Тюменской области! Да что там говорить, он и сейчас – гордость.